

Зубы настезь

Юрий НИКИТИН
Трехручный меч

«ЭКСМО»

2003

Никитин Ю. А.

Трехручный меч / Ю. А. Никитин — «Эксмо», 2003 — (Зубы настежь)

Аннотации, выдаю секрет, пишутся под копирку. Сейчас и вовсе создана компьютерная программа, что сама их генерирует, не читая, понятно, произведение. Сперва пару слов о битве между Светлыми и Темными Богами, отгремевшей тысячу лет тому, о расколе, Темные Боги намереваются взять реванш, и только вы сможете, да, но об этом не подозреваете, и даже не предполагаете, как это повернуть чиста конкретна. К вам, ессно, в верные друзья колдун, эльф, гном и верная спутница...И пошло-поехало наезженными тропами! И – никаких тебе неожиданностей. Так, может быть, ну их, такие аннотации?

Содержание

Часть I	6
ГЛАВА 1	6
ГЛАВА 2	13
ГЛАВА 3	19
ГЛАВА 4	25
ГЛАВА 5	31
ГЛАВА 6	38
ГЛАВА 7	44
ГЛАВА 8	50
ГЛАВА 9	57
ГЛАВА 10	63
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Юрий НИКИТИН ТРЕХРУЧНЫЙ МЕЧ

Часть I

ГЛАВА 1

Гигантская темная воронка, захватив половину неба, неотвратимо опускалась к земле. Массы воздуха разгоняются по исполинскому кругу, тугие, как силовые поля. Повеяло космическим холодом, мы все ощутили острый запах озона. Я с ужасом понял, что смерч не только коров и конных рыцарей швырнет в стратосферу, но опустится и пойдет по планете, как чудовищный бульдозер, сдирая саму землю, пока не дойдет до базальтового слоя. Будет великий треск, планетный катаклизм, обломками коры взметнется чудовищный вихрь, а дальше смерч начнет, как чудовищный пылесос, высасывать магму.

Кто-то прокричал в бессильном страхе:

– Мы не можем объяснить этот феномен!.. Это какая-то вырожденная материя!

Урган сказал резко:

– Объяснения потом! Как остановить?

– Сэр, это невозможно!

Торкесса вздрагивала, прижималась ко мне, я погладил ее по голове. Урган обернулся, лицо белое, виноватое, в глазах отчаяние.

– Это за мной, – сказал я невесело.

Он вздрогнул:

– Вы уверены, Ваше Величество?

– Сам понимаешь, за мной. Есть на чем взлететь? Одному?

Он смотрел непонимающе.

– Авиатка, антигравитационный пояс с управлением... Но, Ваше Величество, что вы задумали?

Торкесса вскрикнула тонким голосом:

– Не бросай меня!

– Извини, дорогая, – ответил я мужественно, – но мужчины рождаются для битв и красивой гибели. Я же, прежде всего, как и было предсказано в Древних Рукописях, – Защитник, Спасатель... или Спаситель, вечно путаю. Похоже, это неведомый зов... или угроза.

У входа в наш маленький звездолет в великолепной небрежной позе расположился на страже воин, красиво облокотившись о двуручный меч, воткнутый острием в землю. Он отсалютовал нам с Урганом, забрало поднято, красивое мужественное лицо, короткая черная бородка и такие же усы, а когда улыбнулся, блеснули ровные белые зубы. Доспехи сияют, новенькие, хорошо подогнанные, усиленные сервомоторами, где за каждой пластинкой следит отдельный микрочип, равный по мощи ста компа, что обслуживают ядерный центр в Пентагоне. На широком титановом поясе сверхмощные аккумуляторы, бластер в кобуре со шнурком, что значит, сам прыгает в ладонь, два каменных ножа для ритуальных целей.

– Инженеры у вас еще те, – сказал я Ургану.

Урган отмахнулся:

– Мы прежде всего воины... Сюда, Ваше Величество.

В большой комнате за трехмерным монитором работала девушка, на звук наших шагов резко обернулась. Я увидел безукоризненно чистое лицо, очень правильное, как у кукольной Лары Крофт. Голова выбрита, отчего казалось, что уши сильно торчат в стороны. Я присмотрелся, нет, уши идеальны, как идеальны глаза, нос, губы, шея. На ней нечто вроде кожаного передника, что оттопыривается на крупной груди. Сбоку видно, что грудь, несмотря на раз-

меры, тоже идеальной формы и тоже с изумительно чистой кожей. Да и сверху такое декольте, что я только сглотнул слюни.

Работает всеми десятью на клавиатуре, а на коленях покоится стволом в мою сторону тяжелый автомат. Или скорее ручная пушка. Выглядит именно скорострельной пушкой, я еще подумал про легкие сплавы, из которых это чудовище.

– Оставь автомат, – велел Урган. – Его Величество знает, что мы регорны. Быстро найди десантный поясок.

– Есть, – ответила она четко, не задавая лишних вопросов, и метнулась к шкафчику, все еще держа автомат в другой руке.

Корабль чуточку встряхнуло, я представил себе, что творится за его стенами, стиснул челюсти. Хотя бы торкесса укрылась в своем огромном звездном крейсере...

Девушка очень быстро и ловко открыла замки, через мгновение в ее руках блеснул металлом широкий пояс. Урган выхватил и указал мне глазами на дверь. В коридоре попадались встревоженные, но не испуганные люди, регорнов испугать трудно, с каждым шагом рев урагана громче, а когда мы приблизились к открытому люку, пришлось кричать друг другу, широко разевая рты.

Ветер подхватил, попытался утащить пока что по широкому, диаметром в сто километров, кругу. Торкессу уводят в ее крейсер, я махнул телохранителям, чтобы поторопились, быстро надел пояс.

– Как взлететь?

– Пряжка!..

Мы уже кричали, дико выкатывая глаза и раздувая шеи. Грохот рожденного в межзвездных безднах урагана раздирал уши. Я торопливо ухватился за пряжку. Ноги мои оторвались от поверхности. Урган успел крикнуть с жалостью:

– Ну почему сейчас, когда так близко к полному счастью?

– Полное счастье, – прокричал я в ответ, – это некоторая крайняя форма идиотизма!.. Судьба знает, что делает... Я вернусь... со щитом или под щитом...

Вдогонку мне долетел крик:

– Но как?

Ветер оборвался, я не сразу сообразил, что подняло в воздух и несет в мощной струе шириной с Гольфстрим. Пальцы стиснули пряжку, я уже направлял полет, стремясь в самый эпицентр, снова ветер, внесло в тучу сухих листьев, по лицу больно ударил ком травы. Поверхность планеты быстро скукоживается, я мчусь по сужающейся трубе межзвездного силового вихря, а там, в самом куполе, жутко блещут звезды на абсолютно черном небе.

Я напрягся, задержал дыхание и, заставив пояс нести с максимальной скоростью, устремился в самый центр. Стены вихря быстро сближаются, начало задевать щепками, вырванными с корнем кустами, задушенными вихрем степными зверьками. Черный купол надвинулся, я сжался, не зная, чего ожидать, то ли удара, то ли вот-вот разорвет, как положено в открытом космосе.

Вращение в самом зените понесло с такой силой, что едва не оторвались руки и ноги. Я сжимался в ком, барабанные перепонки рвет грохот урагана, конечности налились свинцом...

Снизу ударило жестким, я завалился в бессилии, чувствуя себя выпотрошенной рыбой на столе повара-садиста. Не сразу сообразил, что вокруг тишина, только шелестят листья, а после паузы снова заверещали птицы. Я осторожно открыл глаза. Прямо перед лицом гигантские травинки, странно суставчатые, будто бамбук, только очень уж карликовый. По одной такой бамбучине побежал черный с металлическим блеском муравей, похожий на киборга из высокопрочной стали, когтистые лапы легко охватывают цилиндрический стебель.

Я не двигался, вокруг все ожило, испуганные было моим падением, заверещали кузнечики, разбегались жужелицы, на соседнюю с муравьем травинку взобралась божья коровка. Потопталась неуклюже, надкрылья поднялись, обнажая нежнейшие, как у молодой женщины, бока, развернулись тоненькие прозрачные крылышки, и коровка взлетела с неожиданной стремительностью.

Вокруг лиственный лес, могучие раскоряченные дубы со страшными дуплами, небо еще голубое, но уже наливается предвечерней синью. Могучие громады облаков. В них смутно поблескивает, небесные горы озаряются изнутри золотистым светом небесной кузницы.

Я настороженно прислушивался, воздух наполнен теплым запахом дуба, муравьиной кислотой, сладким ароматом живицы. Подо мной захрустели сочные стебли, это я оперся на локоть.

За спиной фыркнуло, я оглянулся, сердце подпрыгнуло. Конь, огромный белый конь на том краю поляны, уже под седлом, справа огромный двуручный... нет, у меня же был трехручный!.. меч, слева – лук с колчаном стрел, а за седлом небольшой дорожный мешок, в котором явно всякие мелочи, вроде трута и огнива.

– Мой конь! – сказал я и прислушался к своему голосу. Прибавилось грубоватой хрипотцы, такой красивой и мужественной, вообще голос звучит как мощный боевой рог, как воинская труба, зовущая на подвиги. – Мой Рогач!

Имя, конечно, грубое, простое, но с середины лба могучего жеребца торчит такой же белый, как он весь сам, свирепо загнутый рог. Это, значит, не просто конь, а единорог, а я, на взгляд нынешнего народа, буду выглядеть девственником. Не знаю, как здесь, но в моем мире я бы лучше пошел пешком, чем чтоб на меня смотрели как на девственника. Это еще хуже, чем на непьющего или не прогуливающего уроки.

Конь снова фыркнул, обнюхал мои плечи, широкие, вздутые мышцами, похожие на огромные головки сыра, коричневые от солнца. Руки мои снова длинные, толстые, перевитые жилами и хорошо проступающими под кожей группами продолговатых мышц, боевые браслеты на запястьях и предплечьях, а грудь настолько широка, что я сам вынужден поворачивать голову, чтобы рассмотреть правую и левую половинку, где вздуваются твердые, как щиты из гранита, грудные мускулы.

– Ну что же, – сказал я, любуясь своим звучным мускулистым голосом, – отправимся спасать мир!.. Кто, как не я? Что, вообще-то, понятно.

Медленно испарялась тоска, только что стал императором Вселенной, но не успел поимператить, а очень хочется, одно утешает, что вернусь в ту же минуту, что и отбыл. Разве что с двух– или трехдневной щетиной на мужественном, потемневшем от солнца лице. Или с четырехдневной, если не уложусь в три дня.

Единорог напрягся, я запрыгнул, как и прежде, пренебрегая стремянем, а это значит, обрушился всем немалым весом, а уже там, в седле, разобрался с оружием, перевесив меч в ножнах за спину, широкая перевязь со странным орнаментом красиво легла через плечо. В том месте, что над плечом, перевязь в три слоя, к тому же с металлическими шипами, понятно, дополнительная защита от рубящих ударов сверху.

Через поляну по головкам цветов и верхушкам трав промелькнула широкая угловатая тень. Тяжелая туша дракона плывет по небу ровно, без рывков, не проваливаясь. Взмахи мощных крыльев не подбрасывают тело вверх, словно те помахивают просто для эстетического эффекта, сами по себе, а дракон на них посматривает даже с некоторым удивлением.

Как же летает – мелькнула мысль из прошлой жизни, но я взял ее за горло, потряс, придушил, бросил под ноги и слегка потоптал подошвами варварских сапог. Жук, как говорят знатоки, по всем законам аэродинамики, тоже летать не может, но он этих законов не знает и потому летает. Хотя это вряд ли самый весомый аргумент, ведь я тоже не знаю этих законов, но не летаю же? А я еще тот жук, да и драконом меня уже называли.

В стороне над деревьями раздалось торопливое хлопанье крыльев. Верхушки кустов затрепетали, как зеленая ряска в старом озере под порывом сильного ветра, пронеслось крупное черное тело, подобно гибкому дельфину в погоне за рыбой, через мгновение огромный ворон красиво и грозно пролетел по кругу, выбирая, где бы сесть, но деревья в стороне, да чтоб еще на удобной ветке, каркнул недовольно, на голову не сядешь, да и на плечо вряд ли пущу, хоть и варвар, не фиг когтями дырывать мою варварскую кожу.

Я охнул, когда он все же спикировал на плечо, защищенное перевязью, а один из когтей, промахнувшись, вогнал в не такую уж и дубленую кожу.

– Привет, – сказал я, – старый друзьяка!

Ворон счастливо каркнул:

– Ур-р-ря!.. Снова спасать мир?

Я ответил с некоторым стыдом:

– Хуже...

– Что случилось?

– Увы, на этот раз... совестно сказать, но всего лишь собственную шкуру.

Ворон посмотрел сочувствующе, но не смолчал, не утерпел, злорадно каркнул:

– Ага, мой лорд, и вы изволили о сверхценности всякой жизни вспомнить?

– Да на фиг мне всякая, – возразил я с истинным чувством демократа. – Пусть хоть все друг друга поубивают, лишь бы не было войны... Или я это уже говорил? Да ладно, зато красиво. Кто-то ж мог не услышать мои мужественные речи в прошлых квестах?

– Ну-ну, – сказал ворон саркастически. – Еще скажите, мой лорд, насчет Екклесиаста.

– А что с Екклесиастом?

– А у него все возвращается на круги своя. Это я вежливо насчет повторов.

– Во-во, – сказал я, приободрившись. – Если даже у Екклеси... как, говоришь, этого яйцеголового звали?

– Склероз? – спросил ворон сочувствующе.

– Да пусть хоть и склероз, но лучше два раза умную мысль сказать, чем один раз – дурость.

Ворон кивнул.

– Да, мой лорд, да. Вы совершенно правы. Лучше два раза умное, чем один раз дурость. Даже три раза умное... Но десять, гм...

Затрещали кусты. В сторонке раздался топот, это сорвалось с места стадо свиней, с другой стороны над зелеными зарослями мелькнули ветвистые рога: олени зачуяли что-то страшное, спешат из опасного места. Я потянулся к мечу, краем глаза увидел, как игривые белки торопливо взбежали по стволу чуть ли не на верхушку.

Ветки распахнулись, на поляну выбежал огромный волк. Крупноголовый, лобастый, с широко расставленными узкими желтыми глазами. Пасть смеется, мой запах услышан и распознан, еще когда я рассматривал муравья, сел у ног Рогача, глядя на меня снизу вверх с радостным ожиданием:

– С возвращением, мой лорд!

– Рад тебя видеть, – сказал я с облегчением, хорошо, когда в друзьях волк, который может разведать, что ждет впереди, и ворон, который сверху видит еще больше. Если не в лесу, конечно.

Ворон вздохнул:

– Сколько волка ни корми, все равно придет к обеду.

Волк даже не посмотрел в его сторону, буркнул:

– Разве я к обеду? Я на зов новых приключений!.. Это ты ищешь, где бы пожрать, пасть ненасытная!

– Не ссорьтесь, – сказал я. – Раз уж судьба снова свела нас, попробуем решить загадку, что нам подсунули.

Ворон спросил важно:

– А в чем суть загадки?

– Не знаю, – ответил я. – Но меня перенесли сюда в момент, когда в том мире я готовился жениться и вступить на вселенский престол. И чувствую, что не выберусь, пока не пойму нечто. А потом надо как-то обратно.

Волк поинтересовался:

– А вселенский престол, это как? Больше или меньше, чем в нашем королевстве?

Ворон переступил с лапы на лапу, вздохнул горестно:

– Сколько волка ни корми, а все равно дураком смотрит. Мой лорд, когда отправляемся?

– Сейчас, – ответил я.

– В какую сторону? – спросил ворон. – На восток? На запад?

– Ты еще про юго-восток скажи, – огрызнулся я. – Умные люди не умничают, а пальцем показывают. Прем пока что из леса, а там увидим. Где-нить населенные пункты поблизости есть?

Волк поинтересовался громко:

– А что, где-то и умные есть?

– Не будем показывать пальцем, – сказал я милостиво.

– Правильно, – согласился волк. – Сразу врежем по наглой морде! В смысле, по клюву.

Конь мой сам отыскал тропку, справа и слева навстречу поплыли, покачиваясь величаво, огромные деревья. На протоптанной дорожке следы копыт, но не конские, не конские. Я бы сказал, что лоси, но какие здесь могут быть лоси, а вот единороги – наверняка, это еще те лоси, если дикие, не укрощенные девственницами.

Над головой верещат птицы, по деревьям двигаются отряды крупных жуков, муравьи тащат добычу, крупные бабочки порхают как пьяные, зато элегантные стрекозы шмыгают из стороны в сторону красиво, целеустремленно, зависают неподвижно, как вертолеты, хватают добычу на лету.

Лес расступался, дорога все шире, появилась колея от тяжело груженных телег, а затем и следы вырубки: пни, свежесрубленные деревья, груды зеленых веток. Мощно пахнет древесным соком. Постепенно распаивался простор, с небес донеслись серебристые курлыкающие звуки, я вскинул голову, ожидая увидеть, как по синему безбрежному небу медленно плывут, мерно взмахивая крыльями, косяки... нет, клинья журавлей... или гусей, не помню, но точно какие-то из этих крупных пернатых, если верить классикам, курлыкают во время полета по синему и безбрежному.

По синему безбрежному медленно плывут, мерно взмахивая крыльями, косяки... нет, точно клинья! – драконов. Отсюда похожи на журавлей: такие же вытянутые вперед, как у бегунов перед ленточкой, шеи, поджатые к брюху лапы, работающие как у птеролетов крылья. Впереди крупный самец, на его голове не то сверкающая корона, не то гребень в виде короны. Рассекает плотный воздух красиво и мощно, за ним пристроились два самца чуть помоложе, но тоже могучие бойцы, а дальше, на крыльях расширяющегося клина, летят вперемешку самцы и самки, подросшие дракончики.

Пока я размышлял над свойствами зрения в этом мире, когда из такой позиции могу рассмотреть корону на макушке пролетающего прямо над моей головой дракона, справа в лесу затрещали кусты. Волк насторожился, а ворон, тяжелый, как кабан, как только крылья держат, беспокойно завозился на плече. Когти соскальзывали с широкой кожаной перевязи, больно царапали кожу.

– Кыш, пернатое, – сказал я.

Моя рука привычно потащила из-за спины знаменитый трехручный. Кусты раздвинулись, оборванные бородастые люди бросились нестройной толпой.

– Кошель или живот! – закричал один.

– А меч не нужен? – спросил я.

Он остановился, распахнув варежку, больно умный. Мой меч с радостным ревом распорол воздух. Голова полетела в сторону, тело еще стояло, подумало, эти всегда думают не головой, а я рубил и крушил все остальное. Меч счастливо звенел, заглушая крики и вопли. Теплая кровь брызгала, как дождик в июльский тихий вечер. Пятеро тут же рухнули под копыта моего коня, а шестой завопил и бросился прочь, не разбирая дороги.

Сгоряча я погнался за ним Рогача, сверкающая полоса развалила бегущее тело надвое, лишь тогда я вспомнил о милосердии, о неадекватности наказания, подумал еще, это называется остроумие на лестнице, и повернул коня.

На месте схватки исчезли тела, высохли кровавые лужи, растворились вывалившиеся внутренности, испарилось расплесканное по кустам и траве серое вещество из черепов. Блестят пуговицы, змеей свернулся добротный кожаный ремень с металлическими бляшками, в траве вяло трепыхается клочок бумажки.

Судя по всему, мой меч сработал как нейтронная бомба: живые объекты уничтожил начисто, зато материальные ценности в том виде, в каком были к концу схватки. Однако волк перехватил мой ликующий взгляд, покачал лобастой головой:

– Нехорошо это...

– Хорошо, – возразил я.

– Нехорошо, – повторил он. – Это были не совсем люди.

– Тупые, – согласился я. – Ну и что? Если все тупые, то кто будет работать?

– Они исчезли, – растолковал он мне, чуть не объясняя на пальцах. – Вы еще не заметили, мой лорд, что они исчезли? Ни одного трупа. Это значит, созданы Тьмой. Это нехорошо.

Я подобрал и осмотрел щит главаря разбойников, достаточно побитый. Если все это от моего меча, то я, вообще-то, сама круть во плоти.

Волк нехотя брал в пасть палицы и самодельные луки, что остались от шайки разбойников, совал в мешок. Я спросил брезгливо:

– Зачем?

Он удивился:

– Как зачем? Кузнецу можем продать. Он все скупает. А на вырученные деньги что-то прикупим.

Ворон каркнул над ухом:

– Или погуляем в корчме.

Я с сомнением посмотрел на собранные пузырьки с неприятного вида жидкостями:

– Он и это покупает?

– Там есть ведьма, покупает.

– Все-то вы знаете, – сказал я.

Ворон каркнул самодовольно:

– Это потому, что я мудер!

– Это потому, – буркнул волк, – что везде одно и то же. Уже поднадоедать начинает. В другие края бы податься...

Я сказал невесело:

– Вселенная прет к унификации. Это называется глобализацией. Скоро везде будет еще одноитожее.

Волк пригорюнился, ворон сердито молчал. Лес отступал, мы выехали на простор, синее небо с лиловыми облаками, красный шар солнца опускается к горизонту, кровавые отблески по всей земле. Я шарил жадным взглядом по сторонам, ну где же замки, должны попадаться

один за другим, вообще, должны быть, как грибы, как гуси в стае: много и разные, однако за простором снова далекий лес, совсем темный, зловещий.

Не люблю открытые пространства, весь как на ладони, Рогач понял и двинулся вдоль кромки леса. Все равно, как сказала одна путешественница, если долго идти, то куда-то да придешь. Земля тянется зеленая, плодородная, черноземистая. Я нутром чую чернозем, подзол, он в лесу, а там впереди – только чернозем, потому никак не могу врубиться: как функционирует здешнее государство, ведь не видать самой многочисленной прослойки, даже основы любой державы, – крестьянства, которое кормит, поит, одевает и снаряжает все это скачущее и дерущееся воинство, то самое крестьянство, которое возводит, кстати, красивые величественные замки.

ГЛАВА 2

Дорога зачем-то начала отдаляться от леса, просто так, без всякой причины. Я знаю, ничего не бывает без причины, перестал дремать, огляделся зорко, вскинул руку к рукояти меча, на месте ли, кончики пальцев пробежали по жесткому оперению стрел. Там дальше довольно широкая зеленая долина. Волк и ворон нахохлились, тоже не любят простора, как, видать, не любят и быстрой езды, здесь все уменьшенное, всего лишь Европа, нет размаха, нет раззудежности.

– Ложись! – крикнул волк.

Я, не раздумывая, скатился с коня. С мечом в руках встал в боевую стойку, ноги чуть шире, чем на ширине плеч, а плечи у меня ого-го, руки с мечом повернуты сильно налево, в то время как корпус скручен вправо, довольно дурацкая поза, но, надо признать, красивая, сам как-то смотрелся в зеркало и долго отработывал стойку, двигая мышцами и подрагивая ляжками.

По земле пронеслась черная растопыренная тень. Я в самый последний момент догадался взглянуть вверх, идиот, все ожидал нападения из леса, что за версту отсюда, за волосы больно дернуло, а в уши вонзился жуткий нечеловеческий крик.

Я упал, откатился в сторону. Рядом шлепнулась и забилась в красивых судорогах молодая женщина с крыльями. Крылья как у огромной летучей мыши, а тело, прекрасное и чувственное, сейчас распорото, как рыба ножом деловитой хозяйки: от головы и до конца брюха. Наверное, засмотрелась на мою эффектную стойку и напоролась на меч, кишки вывалились такой огромной сизой кучей, что я вытаращил глаза: как столько помещается в миниатюрном, нежном, хрупком теле с одухотворенным лицом?

Вторая гарпия пронеслась так низко, что едва не вырвала из моей головы клочок волос. Пахло зловонием. Я мгновенно выронил меч, пальцы сами рванули лук, быстро натянул тетиву. Гарпия уходит по широкой дуге, там развернется иммельманом и зайдет снова...

Стрела сорвалась со змеиным шипением. Глаза у гарпии, как у вальдшнепа, видят и то, что за спиной, успела уйти в довольно неуклюжий пируэт, но стрела уже схватила тепловой след и тоже слегка вильнула в стремительном полете.

Гарпия красиво каркнула в смертельном страхе, перепончатые крылья трещали от усилий, заметалась, но стрела настигла и ударила в белое, как у рыбы, брюхо. Брызнули перья и почему-то клочья мяса. Гарпию разнесло вдрызг, словно в нее попала ракета «земля – воздух». Вниз с немалым ускорением понесся пузырек с синей жидкостью.

Я приготовился к звону стекла, пузырек падает на голые камни, но тот опустился совершенно беззвучно, застыл, словно прилип.

– Магия? – сказал я понимающе.

– Синий – магия, – подтвердил волк. – Красный – жизнь.

Я подозрительно посмотрел на синий пузырек.

– Где эта птеродактильная ворона его прятала?

Волк брезгливо промолчал, а грубый ворон каркнул:

– Колдунье говорить не обязательно.

– Как будто не знает, – фыркнул волк.

– Все равно вслух не обязательно, – каркнул ворон. – Грубый ты! Сказано, хыщник. Да еще и серый.

Я молча взобрался на коня. Ворон остался было подолбиться в черепах жертв, что он в этих глазах находит, хотя красивые, не спорю, особенно у первой: миндалевидные, с длинными пушистыми ресницами, но мы с волком уходили быстро, так что вскоре за спиной послышались настигающие хлопки крыльев, хриплое карканье.

Ворон тяжело плюхнулся на плечо, снова захватив когтями вместе с толстой перевязью и мою кожу. Я предупредил быстро:

– О меня клюв не вытирай! Не вытирай, говорю!

– Да что вы, мой лорд, – ответил ворон обидчиво, – разве я позволю такое кошунство...

Он сделал вид, что теряет равновесие, хотя конь идет, как балерина, ткнулся липким клювом в шею. Через минуту уже спал, сытый и отяжелевший, жесткие перья царапали шею. Скоро там кожа ороговевает, но пока я невольно пытался отодвинуться от пернатого, а он, напротив, во сне прижимался теплым боком.

Волк вскинул морду к небу. Выразительные ноздри затрепетали.

– Хороший запах, – сказал он мечтательно. – Очень даже...

На поляну выскочил огромный лесной кабан. Я сразу уловил, что кабан молод, нагулял жирок на лесных желудях, мясо сочное, не испоганенное тугими жилами, и моя рука потянулась за луком.

Волк зарычал, забежал сбоку, выставил клыки. С таким зверем не справится, зато развернет левым боком, умница, стрела войдет в сердце по самое оперение...

Кабан всхрапнул, взглянул на волка, на меня, снова на волка. И вдруг с огромной скоростью понесся на меня! Я уже знаю, какую скорость развивают эти чудища, сшибут слона, поспешно выронил лук и ухватил меч. Лучше бы копье, но я варвар, копье не положено, так что поспешно развернул коня, выставил меч острием вперед и напряг кисть. Если рука станет твердой, как дерево, и если сдержу удар, кабан сам нанижет себя на лезвие, как жук на булавку...

Кабан несся, как транспортер. Я изготовился, окаменил мышцы. Кабан как-то странно подпрыгнул, избегая лезвия, передо мной мелькнуло белое тело. Я ощутил мощнейший удар, сильные руки схватили меня за горло.

Небо и земля поменялись местами. Я грохнулся так, что искры разлетелись, как при фейерверке. Надо мной обезумевшее от ярости белое человеческое лицо, сильные пальцы сжали мне горло. Я хрипел, мои руки попытались перехватить его кисти, оторвать, но враг оказался не слабее меня, к тому же сверху, а главное – умеет и любит драться, в то время как я только ношу красивые пляжные мышцы.

Я хрипел, мой язык вывалился, перед глазами потемнело. Потом пальцы разжались, человек захрипел тоже, изо рта хлынула кровь и плеснула мне в лицо. Я завопил, кое-как сбросил его с себя, откатился в сторону и сел, весь дрожа.

Из бока этого оборотня торчит рукоять моего кинжала. Как хорошо, что у моего организма нет двух «высших», как у меня, нет рефлексий, зато есть рефлексы: когда разум затуманился и утратил контроль, мое неинтеллигентное «я» сумело постоять за себя. А заодно и за меня.

Волк сидит, скотина, смотрит с интересом. Ворон качается на ветке, тоже недоволен, только-только сумел сесть поудобнее, как все кончилось. Конь щиплет молодые листья с кустов, даже не оглянется. Тоже, значит, уверен во мне, я ведь Герой, Спаситель, Освободитель, даже все с прописной.

Я кое-как поднялся, спина болит и не гнется, шархнулся позвоночником. Да и в голове все еще затихающий звон и мелькающие огненные мухи.

– Привал, – велел я хриплым голосом. – Солнце уже вот-вот скроется.

Оборотень хрипел, кровь изо рта хлещет сильнее, чем из раны в левом боку. Глаза все еще горят неистовой злобой. Он даже сделал движение, как будто хотел подползти и снова вцепиться в горло, но только вздрогнул, вытянулся, дважды дернул ногой и затих.

Пошатываясь, я остановился над ним, в затруднении посмотрел на волка, на ворона, даже на коня.

– Трудный вопрос... как поступить?

Волк поинтересовался:

– А что не так?

– Можем ли мы его есть?.. Хоть он и кабан, но убили его в людской личине. А есть человека... гм...

– Не позволяют ритуалы? – догадался волк. – Меня всегда это забавляло. Бывало, перебьют на поле брани массу молодых и сильных, а затем... уходят! И ни одного не съедят. Ну, идиоты, думаю. И такое существо претендует править миром! Три ха-ха на такого царя природы без царя в голове.

Я с некоторым усилием перевернул сраженного на спину. Широко в плечах, молод, но, несмотря на молодость, на боках уже выросли широкие валики упитанной плоти, которые одни именуют французскими ручками, другие – карбонатами.

– Если бы он был худым и старым, – сказал я нерешительно, – я бы сказал, что раз этот кабан погиб в человеческом облике, то его надо считать человеком. Но так как он молод и очень сочен, то предлагаю рассмотреть вопрос непредвзято.

Я чувствовал, как в желудке беспокойно повернулась, чтобы удобнее слушать, одна из голодных кишок. Я сразу ощутил себя на знакомой родной почве русского интеллигента.

– Вопрос стоит поставить в философской плоскости, – сказала из меня. – Что делает человека человеком?.. Платон заявил, что человек – это двуногое существо без перьев. Диоген тут же принес ощипанного петуха: вот, мол, человек Платона! Тогда Платон поспешно добавил: «...и с плоскими ногтями». А кто-то, не помню, вообще договорился до мыслящего тростника!.. В то же время, с другой стороны, и некоторых людей называют свиньями. Так что грани между людьми и свиньями нет. Если исходить из этого бесспорного принципа...

Волк и ворон зачарованно переглянулись. Похоже, они никогда не слышали русскую интеллигенцию.

– Это кабан, – определил я. – Он вел себя как лесной кабан!

– Значит, едим, – сказал волк обрадованно. – Как жаль, что вам, мой лорд, нельзя.

Я удивился:

– Мне? Почему это?

– Но ведь вам нельзя есть не только человечину, но и свинину, – сказал волк с лицемерным сочувствием, а сам поближе придвинулся к оборотню. – Ведь заповедь гласит, что нельзя поедать части тела живущего... Хотя нет, мы ж пожарим... Но все равно свинину нельзя?

– Нельзя, нельзя, – подтвердил ворон и сел на тело оборотня. – Нельзя!

Я сказал раздраженно:

– В основе вашего «нельзя» лежат чисто экономические принципы! Надеетесь сами сожрать, морды. А наш Аллах сказал, что в пути или в чужих странах правоверный иудей может не соблюдать некоторые заповеди Мухаммада.

Волк сказал скептически:

– Да? А мне кажется, что в ваших возражениях, мой лорд, тоже лежат экономические, а вовсе не этические мотивы.

– Да-да, – сказал ворон, – да, ты прав, хоть и серый!.. Наш лорд готов предать свои этические императивы за чечевичную... ладно, за хорошо прожаренный кусок мяса.

Я сказал мрачно:

– Друзья познаются в еде. Вот вы и познакомились... Мне стыдно за вас!

Я быстро развел костер, с чувством собственного достоинства взял лук и ушел на охоту. Сейчас, когда наступает вечер, солнце уже опустилось за темный край, звери забиваются в норы, птицы прячутся в гнезда, а крупные звери укладываются спать под деревьями. Обязательно наступлю на какого-нибудь хряка, что выметнется с диким визгом прямо из-под ног...

Я вошел в лес, лук наготове, уши прислушиваются к любому шороху. Вскоре понял, что прислушиваюсь не потому, что стараюсь увидеть зверя раньше, чем он меня, а потому, что в этом лесу с толстыми деревьями, покрытыми слоем зеленого мха, с вылезающими из-под земли корнями, попросту страшновато, озлился на себя, тоже мне герой, пошел напрямик через кусты, ибо осторожность дает безопасность, это верно, но никогда не дает счастья. Или крайне редко.

Поляны встречаются часто, обычно на них ведьмины цветы, на одной даже выложены по ровному кругу камни. Глубоко процарапанные руны пророчествуют о наступлении плохих лет, когда Зло воцарится на земле, но придет герой и всех спасет. Я расправил плечи и выпятил грудь, всегда приятно, когда все пророчества говорят обо мне, и только обо мне. Как и вообще, когда на тебя надеются. Конечно, я не понимаю, что там нацарапано, как курица лапой, но понятно же, что там может быть, не дети, знаем, читали не раз, наизусть помним, эти руноцарапатели друг у друга дерут предсказания и пророчества, как, что и где случится.

Из-за деревьев донеслось протяжное пение. Люди в одеяниях до земли и в капюшонах, это обязательно, ходят по кругу вокруг черного камня. Не надо быть особым специалистом, чтобы понять: культ запрещенного и свергнутого бога все еще сохранил немногих поклонников. Или же бойкие ребята надеются, вовремя подсуетившись, стать первыми апостолами.

Я осторожно отступил, кто знает их обряды, обошел поляну стороной. Если встречу крестоносцев, обязательно и укажу дорогу, и скажу, что это сатанисты. Те ребята простые, неграмотные, правую руку от левой не отличают, для них все сатанисты, кто не принадлежит к реформаторской католической церкви протестантского крыла кальвинистского течения суннитского толка.

Свистнула стрела, через кусты проломился молодой олень и упал, прежде чем я успел поднять лук. Короткая стрела торчала из шеи. Вслед за оленем проломился массивный, поперек себя шире, рыжий лохматый гном с неухоженной бородой и взъерошенными волосами. Ростом мне до пояса, но в плечах, пожалуй, не уступит. А если и уступит, то ненамного.

Лицо его сразу налилось гневом, побагровело, в глазах засверкала ярость.

– Чего уставился на моего оленя? Это я убил!

– Вижу-вижу, – ответил я торопливо, гномы отличаются буйным нравом и раздражительным характером. – Прекрасный выстрел!

– Сам знаю, – отрубил гном. – Вали отсюда, это мой лес!

– Ухожю-ухожю, – ответил я еще торопливее. – Вовсе не собирался бить твоих оленей в твоём лесу. Я так...

– Что?

– Прохожу мимо.

– Вот и проходи!

Я попятился, хоть гном и мал ростом, но воины они бесстрашные, дерутся охотно, а я не вижу просто, из-за чего драться. Это гномам по фигу, могут подраТЬся и просто так, а мне обязательно нужен повод, ну вот такой я интеллигент, даже эстет, мадам, народный интеллигент даже, что не только может понять тонкий намек, но и дать за него в глаз. Однако даже народный интеллигент не станет драться из-за какого-то оленя, это же презренные экономические мотивы, но вот если кто-то при мне назовет Сергея Адамыча, нашу совесть нации, колабом или продажной шкурой...

В сторонке слышался сухой треск, расщелкивание, будто медведь драл щепу. Я тихонько раздвинул ветки, выглянул, пригибаясь. С дерева с массивным, как у бабо... тьфу, бабаба, стволом до самой земли свешиваются ветви, листья хилые, зато стручки, похожие на гороховые, длинные, в человеческий рост. Одни еще зеленые, как у молодого горошка, другие посе-рели, подсохли, два вовсе раскрыты...

Я пошарил взглядом по земле, горошины должны быть с теннисные мячи, если не с волейбольные, трава слегка примята, но поляна пуста, только в двух местах землю вздыбили выпирающие корни.

Пока я осматривался, треск повторился. Один из сухих стручков дрогнул, между плотно сомкнутых половинок возникла крохотная щель. Треснуло еще громче, затрещало чаще, половинки стали раздвигаться, просунулась тонкая рука, размером с детскую, слепо пошарила по воздуху. Внутри стручка задвигалось, показалась голова, плечи. Затаив дыхание, я наблюдал, как человечек выползает, щель узка, застрял, упирается ручками с таким усилием, что я привстал, собираясь выйти и помочь, но я человек благоразумный, вспомнил про импринтинг, это же я буду первым, кто попадется ему на глаза, сочтет меня мамой и будет ходить следом, а на фиг оно мне надо? Многодетность присуща малообразованным народам, а русскому интеллигенту и одного ребенка много.

Человечек вывалился из стручка, створки так и остались полураскрытыми, хотя только что вроде бы удерживали в своем лоне. Возможно, это такой тест на выживание: у кого не хватает сил выбраться, пусть мрет, и без него земля заполнена хилыми да слабыми, пусть потомство дают герои... да-да, особенно те, у кого за плечами трехручный меч!

Полежав минуту, человечек набрался сил, тихонько пополз прочь с поляны, потом поднялся на четвереньки и добрался до стены деревьев. Там встал на задние конечности, почти нормальный человек, только мелковат, но еще чуть подрастет, пропорции указывают на детскость, даже голова великовата, шагнул уже на двух, ручкой придерживается, чтобы не рухнуть, молодец, все схватывает, или генетическая программа предусмотрела и это, в следующее мгновение зеленые листья скрыли его от моих глаз.

Я вздохнул с облегчением, поднялся, разминая затекшую спину, шагнул на поляну с этим бабо... баобабом. Затрещали сразу два стручка, на одном появилась узкая полоска. А на другом половинки стали расходиться. Я поспешно отпрыгнул обратно, не хватало еще двух импринтированных, обошел странное дерево по широкой дуге.

Справа шуршит, чавкает, хлопает, хрустит. Я отступил, чтобы, прячась за густыми кустами, не подобралось это шуршащее, и через минуту на поляну выскочил ящер ростом с меня, показавшийся мне металлическим. Во всяком случае, весь синий, кожа отливает металлом, спина вообще как будто шалашиком две танковые гусеницы, рога точно железные, прямо трехгранные штыки.

– Эй-эй, – сказал я предостерегающе, – ты ведь травоядный, раз у тебя рога!.. Иди себе, я твоих ящерок не трону.

Он глухо зарычал, узкие глаза начали наливаться кровью. В отличие от привычных динозавров передние лапы вовсе не лапки, как даже у тираннозавров, а могучие, мускулистые и весьма бойцовские руки. На пальцах желтоватые мозоли, словно тренируется в ударах кулаками по дереву.

Еще я заметил между пальцами тонкую перепонку, но это говорит только о том, что умеет драться и в воде. Даже под водой. Я же не очень-то умею драться и здесь, в лесу, я нормальный образованный человек с двумя «высшими» из эпохи консенсусов и гомосексов, то бишь компромиссов. И хотя уже помахал однажды в этих краях мечом, однако же привычка махать языком в поисках компромиссов и консенсусов все же сильнее.

– Ладно-ладно, – сказал я примирительно. – Я ухожу, это твой участок леса.

Он зарычал громче, танковые траки на спине вздыбились, потрясающее зрелище, мои колени стали ватными. Я попятился, стараясь не смотреть ему в глаза, кингконгов это, по словам зоопсихологов, весьма раздражает.

На следующей поляне меня прогнали какие-то лесные люди с лыковыми бородами и бледными, как деревья с содранной корой, лицами.

– Ладно-ладно, – повторил я поспешно. – Вижу, место занято. Ухожу-ухожу.

Только перешел чуть дальше, и там занято, на этот раз эльфы соревнуются в стрельбе из луков, свидетели их-де раздражают. Да что это я, мелькнуло в голове. Там волк и ворон жрут в три горла, у них нет никаких интеллигентских мерхлюндий насчет приоритета и суверенности. У кого меч длиннее, у того и суверенитет выше. Вот у США даже на арабском Востоке суверенитет появился и свои интересы откуда-то взяли, что в переводе на наш язык: буду охотиться, где захочу. А я сопли жую, опять меня обойдут... уже обошли.

Озлившись, я подвигал плечами, укладывая меч за спиной получше, чтобы рукоять на виду, пошел, громко топая и нарочито наступая на сучья. Деревья расступились, но не простор впереди. Вернее, простор, но совсем не тот, какой ожидал, а обширное и довольно противное болото. Конечно, с виду очень красивое: лилии, кувшинки, чистенькие такие лягушечки на толстых мясистых листьях, живописная коряга посреди болота – угрожающе вздыбленные к небу корни, блестящая слизь, однако же мне, похоже, придется идти через это болото, а я такой, что этой живописности предпочел бы заурядное и примелькавшееся до тошноты асфальтовое шоссе.

С первых же шагов к ногам присосались жадные и липкие, как сборщики налогов, пиявки. Я взвыл от омерзения, увидев их раздутые жирные тела. Одну попытался оторвать, она лопнула в моих пальцах, руку окрасило кровью по локоть. Меня едва не стошнило, к противоположному берегу неся, как бронетранспортер по мелководью.

Мелькнула мимо коряга, на нее взобралось нечто мокрое и блестящее, как тюлень, и провожало меня удивленными глазами, проскрежетало вслед что-то призывное. Наверное, у него период спаривания, но я не герой западного толка, что копулирует все, что двигается и что не двигается, я же разборчивый, мадам, я же эстет, мне надо обязательно тоже с высшим образованием, чтобы и на рояле, и на фортепиано, и вообще везде, где захочу, так что промчался до берега, выбрался из теплой жижи и почти сразу напоролся на оленей.

Прямо передо мной оказалась семья: папа-олень, мама-олениха и чудесный олененок, вылитый Бемби, хоть сейчас в мультик или на конфетную обертку. Я торопливо сорвал с плеча лук, пальцы дрожат, только бы успеть, наложил стрелу, а они все трое подняли головы и взглянули на меня в безмерном удивлении: чего это, мол, так торопился, запыхался?

Рывком оттянул тетиву, отпустил, с такого расстояния промахнуться трудно, стрела ударила олененка в левый бок. Он подпрыгнул на месте на всех четырех, стрела погрузилась по самое оперение, что значит хорошенькое дельце – молоденькое тельце. Взрослые олени еще мгновение смотрели дикими глазами, наконец сообразили, что они не в зоопарке, а я не зеленый, с сопением ломанулись через кусты, только затрещало по лесу.

Олененок упал на бок, большие коричневые глаза смотрят умоляюще: помоги, спаси, что-то мне делает больно.

– Потерпи, малыш, – сказал я ласково.

Вытащил нож, аккуратно перерезал горло, стараясь сделать это как можно быстрее и безболезненнее, мог бы, наверное, подрабатывать, поставляя кошерное мясо, кровь хлынула широкой струей. Олененок подергался и затих. Я вскинул нежное тельце на плечо, развернулся и пошел обратно.

На этот раз, когда хорошая добыча на плечах, даже болото не болото, а так, фигня какая-то.

ГЛАВА 3

Когда вышел из лесу, они двое уже жрякали или, точнее, все еще жрякают сочное жареное мясо. От багровых углей сухой жар. Ворон, не отходя от костра, монотонно долбится в черепе, уже расширив глазные впадины, как шахты. Клюв по затылок стал красным, перья слиплись, отемнобагровели и блестят.

Я разделал олененка, насадил на длинный прут и пристроил над раскаленными углями. Волк и ворон, уже отяжелевшие, с раздутыми брюхами, оба умеют жрать в запас, посматривали на меня одобрительно, но и с победным блеском в глазах: сумели объегорить, отпихнуть от добычи.

Мой олененок исходил паром, вытапливается лишний жир, вся компактная тушка блестит, как огромная почка каштана, одиночные капли привычно срываются на красные угли, там сочно шипит, стреляет сизыми дымками, что растворяются сразу же. Расседланный конь неторопливо двигался по краю поляны, за ним от зеленых кустов остаются голые веточки, на остром роге зловеще блестит багровый кончик, словно раскаленный в невидимом горне. Волк и ворон, нажравшись, тут же уснули. Вообще, постоянно спят, а человек, выходит, как известно, самый малоспящий зверь на свете...

На небе высыпали первые звезды, над вершинами абсолютно черных деревьев показался узкий серп луны. Я встал, чтобы подбросить в костер веток, насторожился. Послышался легкий шорох, из-за деревьев появилась очень красивая молодая девушка. Рядом с ней зверь, напоминающий льва, только потолще и с крыльями, как у летучей мыши. Оба голые, у девушки вместо трусиков зачем-то железная цепь. Я не успел рассмотреть, есть ли там замочек, сразу обалдело уставился на вызывающе торчащие груди, высокие и с алыми широкими кончиками.

Ну, Валеджи, мелькнула мысль, ты, конечно, великий Творец, но уже достал этими голыми бабами. Малолеткам в самый кайф, но я не малолетка, к тому же такую доступную вещь, как голые бабы, стоит ли так уж везде и всюду? Того и гляди волк снова съехидничает, что у меня глюки на какой-то почве. А ворон, зараза, подкаркнет.

Девушка улыбнулась, а я некстати подумал, что ей будет очень неудобно в такой... такой одежке на широкой мохнатой спине зверя, где к тому же торчит острый хребет.

Она, должно быть, уловила мою мысль, нахмурилась и отвернулась, капризно выпятив губы. Я подумал с раскаянием, что я, как истинно русский интеллигент, беспредельно умен, мне постоянно приходят мудрые мысли, даже в такое вот некстатейное время, но это уж время истинно мыслящего человека, это горе от ума, которого не спрятать, хоть бороду сбрей, хоть мускулы отрасти.

Не придумав, что спросить, не узнавать же, как пройти в библиотеку, я упер сжатый кулак в ладонь, так лучше вздуваются мышцы плеч, выпятил грудные пластины и улыбнулся ей красивой белозубой улыбкой.

Она посмотрела с интересом, сделала шажок как бы в мою сторону и в то же время чуть мимо: так, в три четверти, ярче линия ее безукоризненной девственной груди, полной и провокационно подрагивающей, за ярким красным вытянутым кончиком остается в воздухе быстро затухающий след, как на фотопленке от лазерного прицела.

Я шагнул в сторону, тут багровый свет костра лучше озаряет мою блестящую здоровую кожу, словно смазанную или даже умасленную маслами, все мышцы и мускулы вырисовываются до предела рельефно. При этом я улыбнулся еще шире, пусть видит, что у меня все сто или сколько их там зубов, белые и безукоризненно ровные, гланд нет, сердце бьется ровно, я молод, силен и весь в тугих шарах мускулов.

Улыбка тронула ее губы, стройные ноги подали тело вперед, начиная с бедра, при этом легком толчке работают все мышцы, движение начинается с красивой волны, когда плечи как

бы запаздывают, грудь приподнимается еще выше и острыми сосками смотрит тебе прямо в рот, а в твои растопыренные пальцы приглашающе идут покачивающиеся бедра.

Да, это класс, я пошарил взглядом: лом бы найти, я бы его согнул, при этом движении хорошо работают бицепсо-трицепсоидные, а также вся плечевая группа предплечий и запястий, когда вся масса приподнимается, вздувается, по ней пробегает справа налево и обратно шары и утолщения, а потом все застывает в красивой мужественной скульптуре атлета, гнутого лом!

Черт, нигде нет лома, почему всегда так, когда не надо, шагу не ступить, чтобы не запутаться в разной и всякой арматуре, целые заброшенные, но исправно работающие металлургические комбинаты-гиганты, а сейчас нет самого заваливающего лома, это ж какой момент я упускаю, ну что же делать...

Она замедленно прошла мимо, пахнуло теплом уже разогретого тела. Со спины так и вовсе отпад, отведенные назад плечи кажутся совсем детскими и беспомощными, зато зад по контрасту вдвое шире, ягодички вздернутые, нежно-белые, попеременно приподнимаются, как поршни в моторе, а красивые ноги спортсменки покрыты тем самым необходимым слоем жирка и нежного мяса, чтобы мышцы и сухожилия не выступали чересчур резко.

Кусты раздвинулись, девушка с недоумением оглянулась на меня, помедлила, потом зеленые ветви сомкнулись за ее спиной. Лев скрылся еще раньше, тихий при такой женщине, как пугливая тень. На поляне осталась ясно ощутимая в неподвижном прогретом воздухе струя зовущего запаха. От такого сходил с ума мой Рекс, обрывал поводок и уносился, держа нос по следу долго не тающих феромонов.

Я вздохнул, мышцы сразу поползли вниз, подчиняясь закону всемирного тяготения. И тут мой взгляд упал на нечто блеснувшее под последним лучом заходящего солнца. Чертов лом затаился среди коряг и сухих веток, сволочь! Какой я шанс упустил, какой шанс, идиот чертов...

Злой, подобрал хвороста, оранжевые языки огня становятся все заметнее в темнеющем мире. Небо еще не чернильно-черное, но серпик луны начал наливаться зловещим блеском.

Совсем близко послышался конский топот. Прямо через кусты на поляну проломился на могучем черном жеребце не менее могучий орк. Орк как орк, зеленый, уродливый, с бессмысленно распахнутой пастью с острыми зубами и длинными клыками. Одной рукой держит поводья, другой прижимает золотоволосую красавицу. Красавица в легкой накидке, очень легкой, что ничего не скрывает, длинные красивые ноги грациозно дергаются в воздухе.

Орк взглянул на меня злобно, ухмыльнулся и поехал шагом. Красавица всхлипывала и умоляюще смотрела в мою сторону. У нее миндалевидные, очень красивые глаза, умело подкрашенные синим, с длинными ресницами, тонкий аристократический нос и яркий маленький рот с крупными чувственными припухшими губами.

Волк и ворон бесстыдно спят. Надо принимать решение, потому я сидел и молча смотрел, как он неспешно проехал мимо, у самого края поляны остановился, посмотрел на меня через плечо. Было видно, что ему неудобно держать красавицу в такой нелепой позе, а та всхлипывала и, выворачивая голову, оглядывалась на меня.

Орк грозно засопел, повернул коня и поехал обратно. Я посмотрел, где лежит мой длинный трехручный меч, потом на волка и ворона. Волк даже похрапывает, а ноги дергаются. Бежит во сне, значит. Убегает или, скорее всего, догоняет, так как волк всегда берет добычу гоним, в то время как кошки, к примеру, только из засады.

Орк проехал мимо, постоял у кустов, а затем тем же неспешным шагом проехал совсем рядом с костром, едва не наступив на спящего волка, снова посмотрел на меня, уже озадаченно. Шас, подумал я злорадно. Думаешь, раз в мускулах, так сразу кинусь драться? Да у нас все эти, которые с мускулами, только на пляже перед бабами! То так пройдут из конца в конец, то

этак. Для них нет хуже, чем дождь или холодный ветер, когда на пляжах пусто... А зимой им вообще хоть вешайся от тоски и непоказывания мускулов.

Конь орка помедлил на краю поляны, оглянулся. Орк почему-то сердито плюнул на землю, дикарь зеленый, с треском вломился в кусты. Некоторое время слышно было, как ломаются ветки, фыркает конь, потом все затихло. Примятая трава распрямлялась, в тишине мелодично запели крохотные кузнечики.

Не мое это дело, подумал я, вмешиваться в чужие семейные отношения. Может быть, у них умыкание по сговору. У него не нашлось чем заплатить выкуп за невесту, бедный, значит, вот и бегут тайком. Или родители против межрасового брака, все-таки орк что-то вроде негра. Хоть и лучше негра, но все же орк, знаете ли. В таком случае я, как подлинный интеллигент, могу только приветствовать и поощрять, так сказать, движение прогресса и гуманизации отношений в сторону бесспорных и общечеловеческих.

Мои веки начали потихоньку слипаться. По темному небу сдвинулся и поплыл, как узкий кораблик, сверкающий серп. Там, прямо на нем, расположилась пузом кверху обнаженная женщина. В красивой изысканной позе, провоцирующей и зовущей, словно только что прочла «Камасутру». Чертов Валеджи, подумал я сердито, и туда бабу...

– Какую бабу? – спросил ворон сонным голосом.

Я понял, что говорю вслух, кивнул на луну. Ворон посмотрел внимательно на луну, потом на меня, снова на луну.

– Никакой бабы там нет, – сообщил он.

– Как же нет, – возразил я, – вон там...

– У меня зрение острее, – сказал он. – Где именно?

Я поднял палец, но серпик плывет по темному небу уже пустой и острый, как лезвие ножа для разделки рыбы. Никакая женщина, разве что с железным задом, там бы не усидела. Тем более не улежала в эротичной позе.

– Только что была!

– Милорд, – сказал ворон доверительно, – если вам даже на луне бабы мерещатся, то средство есть только одно.

Я не стал слушать его грязные намеки, заснул с чистой совестью настоящего русского интеллигента.

Утром волк проснулся, повел носом:

– Чую странный запах... Ого, да тут и следы! Милорд, здесь кто-то проезжал?

– Глюки, – ответил я. – Глюки.

– А-а-а, – протянул волк. – Ишь, разъездились... Следов-то сколько! Хотя глюки, понятно, чаще всего по ночам и ездют.

Ворон сонно каркнул, не открывая глаз:

– Глюки?... Вкусные?

– Очень, – ответил я. – Только не питательные.

Волк поднялся, встряхнулся. Взгляд обратился к обугленным остаткам дерева. Ветерок колыхнул серый пепел, но красных искорок нет, костер погас надежно, можно не затапывать.

– И не мечтай, – сказал я. – Я тоже люблю все делать по-русски: не спеша, с перекурами, перерывами, и чтоб еще один работал, а десять стояли вокруг, опершись на лопаты, и смотрели, но мы сейчас не в России, так что отправляемся в путь немедленно.

– Без завтрака? – спросили они в один голос.

– Завтрак по-казацки, – отрезал я, – на ходу. Всухомятку. Мы же герои, верно?

Солнце только поднимается, в небе, как стога сена, полыхают облака, но горящие клочья еще не падают в долину, не озарили ее небесным огнем. Далеко справа тянется почти черный лес, а слева горизонт подпирает горная цепь. Я засмотрелся на причудливые горы, там прямо на

горной цепи лежит вверх лицом ослепительно красивая женщина. На ней что-то вроде туники, я вообще-то не знаю, что это такое, но это явно туника, легкая и ничего не скрывающая, к тому же даже ее чуть приспустила, самую малость, всего лишь до пояса. Сама в тени, хотя я различил каждую черточку ее соблазнительного тела, подол туники приподнят до уровня трусиков, на запрокинутом к небу лице блуждает легкая улыбка.

В этот момент сверкающее солнце высветило, конечно же, именно торчащую кверху обнаженную грудь. У меня перехватило дыхание. Полная могучая грудь сразу налилась светом, а красный кончик победно вспыхнул пурпуром. Я чувствовал, как мои губы заплямкали, а рот наполнился слюной.

– Женщина... – прохрипел я перехваченным горлом.

– Где? – обрадовался волк.

А ворон переступил у меня на плече, каркнул над ухом спросонья:

– Вкусная?

Я указал пальцем, потому что не знаю, как этот волк, где тут зюйд-зюйд-вест. Волк всмотрелся, протянул разочарованно:

– Опять глюки?

– Да вон же, – сказал я безнадежно.

С запада надвигались облака, редкие, перистые, и, хотя женщина еще видна в разрывах, я чувствовал, что мой голос звучит неубедительно.

Волк впереди остановился, шерсть встала дыбом. Впереди облачко пыли, оттуда вынырнули трое всадников, все в легких кожаных доспехах, несутся по направлению к дальним холмам. Солнце светит с нашей стороны, я различил щиты за спинами, узкие мечи в ножнах. Они сперва не заметили нас, я даже подумал отступить и укрыться за деревьями, но один что-то прокричал, они чуть придержали коней, а затем повернули в нашу сторону.

– Этого еще не хватало, – вырвалось у меня. – Я же не янки из Коннектикута, я так не зарабатываю.

– А как? – спросил любознательный ворон.

Не отвечая, я напустил на себя самую беспечную улыбку, расслабился и, когда все трое подскакали ближе, крикнул весело:

– Мэйк лав, но во!.. Как погода, ребята?

Они придержали коней, все трое всматривались очень пристально, я их тоже рассматривал, не убирая глуповатой улыбки демократа и общечеловека, который мэйк лав, но только не во. Один даже, в стальном панцире поверх кожаного доспеха, обидно выше и мощнее меня, к тому же в шлеме с опущенным забралом, что вроде бы не в тон остальным частям боевого доспеха.

– Ты кто? – спросил он. Голос звучал глухо, но я разобрал, что человек этот немолод, просто так в драку не полезет, слегка воспрянул духом. – Откуда ты?

– Да как и все люди, – ответил я дружелюбно. – Откуда явился, туда и стремлюсь... ха-ха!

Они не засмеялись, его дружки, что с открытыми лицами под простыми войлочными шапками, рассматривают с недружелюбной интенсивностью. Думаю, и вожак сквозь узкую щель забрала смотрит тоже без обязательной к исполнению политкорректности.

– Ты похож, – проговорил он медленно, – на того, за голову которого объявлена награда.

– Ого, – сказал я по-прежнему дружелюбно, – и во сколько же монет меня оценили?

Вожак ответил громко:

– В мешок золота и королевский трон!.. Ребята, это он. А если даже и не он...

Меня осыпало морозом. Одно дело, если в самом деле какой-то из обиженных в прошлый раз пообещал заплатить за мою жизнь пару серебряных монет, другое... Да такой цены не может быть!

Они заехали с трех сторон, выдернули мечи. Я торопливо потянул из ножен свой трехручный, вожак пустил коня вперед, в руке меч, замахнулся, я парировал, с ужасом подумал про двух гадов, что заехали с боков, нанес удар, несколько поспешный, однако длинное лезвие тяжелого меча разрубило подставленный щит вожака. Он отшатнулся запоздало, острие разрубило щеку. Он выронил остатки щита, взвыл, а я торопливо развернулся в седле направо. Второй всадник с проклятиями пытался успокоить лошадь, та подпрыгивала, спасая ноги от юркого волка.

Я успел подставить щит под удар третьего, замахнулся, тот уклонился, но, как и вожак, недооценил длины моего меча: самый кончик ударил в шею. Брызнула тугая красная струя, я ринулся на второго, он пригнулся в седле и пытался достать мечом волка. Мой меч обрушился ему поперек спины, разрубил, как мясник рубит коровью тушу, обнажились кости хребта и даже белые красиво выгнутые ребра.

Над головами раздался радостный крик:

– Победа!.. Победа!

Я едва успел отпрянуть, заслушался, идиот, раненый вожак превратился в берсерка, налетел, как буря, осыпал меня ударами со всех сторон, его легкий меч рубил и крошил мой щит, как капусту, кровь из разрубленной щеки брызгала во все стороны, я не мог отвести глаз от страшной раны: края разошлись, обнажая зубы, руки похолодели, вот уж не думал, что не выношу вида крови...

Мой единорог пятился, чувствовал мой страх, но едва я взъярился на самого себя за дурацкий страх, крови испугался, тургеневец, как меня качнуло назад, я едва не завалился на круп, это Рогач прыгнул, меня слегка потрянуло, а вожак вместе с конем опрокинулись в пыль.

Рогач умело сместился, подставив мне позицию для удара, я лихо взмахнул мечом. Вожак откатился в сторону, умелый боец, вскочил на ноги, весь в серой пыли, на лице жуткая грязевая маска из крови и пыли, в глазах ярость, меч в обеих руках.

Я нанес удар сверху и чуть наискось. Вожак вскинул свой меч, парируя удар, звякнуло, мои руки потрянуло, а в плече отозвалось болью. Под ярким солнцем больно сверкнули обломки меча, а сверкающая полоса стали в моих руках глубоко врубилась в плечо противника.

Он вскрикнул, глаза стали белыми от боли, прохрипел:

– Да, это о тебе говорил...

– Плакали ваши денежки, – сказал я сочувствующе.

– Нам повезло, – произнес он с трудом, – что первыми встретили... но не повезло...

Он упал на колени, из жуткой раны брызжет кровь и торчат срезанные кости. Из грязевой маски лица бешеной ненавистью горят глаза.

– Обман, – сказал я. – Не верю в такие большие награды.

– Была великая клятва, – просипел он. – Ее не нарушают...

Он завалился на спину, одну руку откинул, вторая легла вдоль туловища, держась на одних сухожилиях и остатках кожи. Сверху прозвучало хвастливое:

– Я одного долбанул в темя! Надеюсь, это не слишком умалило вашу победу, мой лорд?

– Не слишком, не слишком, – ответил я, поморщившись.

Волк сидел на заднице, язык высунул, дыхание вырывается частое, с хрипами. По сути, он спас мою шкуру, кусая коней за ноги, из-за чего те искатели приключений не могли никак нанести прицельный удар.

– Мой лорд, – выговорил он сквозь частое дыхание, – тут осталась добыча...

Я посмотрел на отбежавших в сторону трех коней, на распростертые тела, которым не повезло, сказал многозначительно:

– Всадник без лошади – уже не всадник. Лошадь же без всадника – все еще лошадь.

– Ого, – ответил волк с уважением, – как мудро. А что это значит?

– Что для жратвы у тебя есть зайцы, олени, кабаны, поросята. А коней возьмем с собой. Вдруг что-то придется везти тяжелое?

Ворон прокаркал:

– Сокровища, сокровища!

– Никаких тебе пиастров, – отрезал я. – Может быть, впереди голодный край? А я не стану просить экономическую помощь, за нее надо платить сменой режима. А режим мне ндравится!

Но, несмотря на уверенный тон, сраженных противников рассматривал с тревогой и опаской. Не юные искатели приключений, опытные и зрелые ребята. Самое опасное сочетание, ибо зрелость – это когда человек прожил достаточно, чтобы осознавать сделанные ранее дурости, но еще достаточно молод, чтобы делать новые. Если они приняли предложение принести мою голову, то явно награда в самом деле велика и явно же, что награду эту надеются получить. К этому возрасту уже понимают, когда собираются кинуть, а когда в самом деле заплатят. Но что за гад, который пообещал мешок золота и свой королевский трон?.. Мешок золота – ладно, могу поверить, я же знаю, что мне вообще цены нет, но... королевский трон? А сам куда уйдет?.. Если в пещеру искать истину, то явная брехня, я слышал только про одного такого человека, да и то не очень-то верю. Это он другим говорил, что истину ищет, а сам наверняка по борделям...

Я вздохнул, возвращаясь в реальный мир, сказал громко:

– Друзья познаются в беде, если, конечно, их удастся при этом найти. Спасибо, волк!

– А я? – донеслось из-за спины. Ворон уже уселся на одного сраженного и с жадностью долбил глаза, опровергая ложь, что вороны питаются мертвечиной. – Я тоже одного прямо в темя!

– И тебе спасибо, – сказал я. – Вы просто герои. Что ты там долбишься?

– Надо успеть, – ответил ворон, – пока не остыло, пока живое!.. Сыроедение – такая тонкая штука, что все полезное содержится только в живом. Вы проростки еще не пробовали?

– А что это такое? – спросил я обалдело.

– Темнота... Простите, мой лорд, просто с возрастом мудрые обычно переходят на здоровую пищу. Я еще не перешел, но уже присматриваюсь, пробую. Вообще-то вкусно.

– А-а-а, – протянул я, – что-то и я слышал. Ты с уринотерапии начни. Волк тебе поможет, снабдит для долгой жизни.

– Снабдю, – ответил волк с готовностью. Он переворачивал убитых, рассматривал пояса, прорычал разочарованно: – Если и есть у них золото, то зашито в седлах. А пояса пустые.

– Проверим, – пообещал я. – На привале.

Коней удалось поймать легко, к Рогачу все кони чувствуют доверие, я взял их на длинный повод, ворон попытался взлететь, но только поцарапал мне щеку жесткими перьями, заявил, что отяжелел, пока что не может, пока не облегчится.

– Тогда пересядь на одного из их коней, – сказал я, озлившись. – Только седла когтями не порви!

ГЛАВА 4

Пока выехали из леса, еще дважды нападали разбойники, но уже пожиже, хлипкие. Что удивило, так это отвага: одно дело броситься на проезжающих крестьян, другое – на такого вот мордovorота, как я. Нужен очень уж большой стимул, чем просто пограбить.

На опушке налетали противные крылатые твари с крыльями летучих мышей и мордами старух, одновременно из кротовых нор вылезали толстые жуки и пробовали утащить под землю. Уже в поле прибил еще двух, один, умирая, успел сообщить, что на меня покушаются по приказу Властелина Тьмы... Нелепость какая-то, я с ним пока что не ссорился.

Дальше ехали чистым бескрайним полем. Я глубоко вдыхал свежий воздух, напоенный запахами полевых и луговых трав, как вдруг ворон на плече встрепенулся, угрожающе заскрежетал клювом. Я очнулся от дум, к тому же волк, что несся рядом с конем большими стелющимися прыжками, вздыбил шерсть и угрожающе зарычал.

В чистом поле из-за поворота выехали на могучих рыцарских конях двое. Кони фыркают и мотают головами, оба в боевой броне и покрыты яркими попонами, тоже боевыми, а рыцари с головы до ног в блистающем железе. Забрала опущены, длинные копыта смотрят в мою сторону. Кони и сами рыцари настолько похожи друг на друга, что мне почудилось, будто вижу одного рядом с зеркалом. На щитах намалеваны страшные рогатые драконы с оскаленными пастьями и плюющие огнем. Такими же драконами размалеваны боевые конские попоны. Даже на шлемах выдавлены маленькие фигурки разъяренных драконов.

Один заговорил медленно и торжественно, сильный суровый голос прогремел, как далекие раскаты грома:

– Меня зовут сэра Оуэнс Недремлющий. Во имя Великого Дракона, я – страж этих кордонов. Назови себя, путешествующий через наши земли!.. И скажи цель, ради чего идешь по земле.

А второй добавил медленно и тоже торжественно, его сильный суровый голос прогремел, как далекие раскаты грома:

– А меня зовут сэра Люцкес Неспящий. Я истинный страж этих кордонов, во имя Величайшего из Драконов! Назовись, а мы решим, как поступить с тобой.

Мне, варвару, это как ножом поскрести по стеклу, я мгновенно вскипел, всегда ненавидел этих, в мерседесах, медленно, даже очень медленно поднял руку к рукояти моего заплечного меча, давая возможность рассмотреть мои могучие предплечья, ответил нагло:

– Я за мир без границ!.. А изволю ехать потому, что здесь находится сфера моих жизненных интересов.

Мои пальцы коснулись рукояти меча. Я сжал ее в ладони крепче, чтобы мускулы красивой волной прокатились по могучей длани, подняли шар на плече и орельефили мускулатуру на груди.

Второй сказал первому торопливо:

– Он говорит о сфере!

Первый спросил его:

– Полагаешь, он и есть Избранный?

У меня на слово «избранный» уже рефлекс, как у всякого живущего под гнетом общечеловеческих ценностей, я зло засопел, еще чуть – и фашистом или евреем обзовут.

– Вы мне лапшу не вешайте, – сказал я, – на ус ее мотать не стану. Как у вас тут с правами человека? А может быть, я тут с инспекцией от известных международных организаций! Заодно и насчет запасов нефти узнаем...

Волк посмотрел на меня, на ворона, предложил деловито:

– Я беру правого. А ты, пернатое, бери левого!..

Я поинтересовался ядовито:

– А что делать мне, млекопитающему?

– Ловить коней, конечно, – удивился волк. – Они почему-то меня как-то сторонятся. Дурные! Я лошадей как раз люблю.

Он облизнулся. Рыцарские кони попытались пятиться, но длани сэра Оуэнса и сэра Люцкеса держали поводья крепко. Сами рыцари переглянулись, разом вскинули руки. Железные ворота на шлемах поднялись с металлическим стуком. Оба и без скорлупы оказались похожими, разве что один явный скандинав, а второй чернейший из негров, черный до синевы, настоящий негр афроазиатского происхождения.

Этот второй высился на рослом, естественно, белом коне. Негры вообще обожают брать слугами белых. Я понял, что это напарники, связанные совместной работой. К концу их совместного патрулирования станут не разлей вода, но сейчас, судя по враждебным взглядам, что бросают друг на друга, король их только что заставил работать совместно под угрозой изъятия их рыцарских блях.

Первый, который сэр Оуэнс, сказал почтительно:

– Благородный герой! Похоже, вы тот, приход которого нам предсказан. В древних хрониках колдунов и магов, подтвержденных новыми поколениями чародеев и волшебников, сказано, что однажды явится странный человек, который упорно будет скрывать свое имя...

Ни фигя, подумал я обозленно, что у них за пророчества? Да в России не найти человека, который бы назвался сразу, как на их занюханном Западе. У нас все говорят друг с другом, не зная имен и не понимая, как обращаться. А по телефону вообще никто не представляется, уроды...

Второй, который как обугленная головешка, но тоже сэр, величественно повел в сторону черной, как империя Зла, дланью:

– Соблаговолите, герой, пройти со своими спутниками через городские ворота...

Я уставился на него с подозрением, что еще за приколы, однако за его спиной в самом деле медленно появился, словно перед мордой моего коня торжественно подняли тяжелый бархатный занавес в театре, огромный замок из красного кирпича. Он показался огромным домом под одной крышей, настолько все компактно, сбито в одну кучу, плотно. В глаза бросились высокие смотровые башенки, на вершинках трепещутся без всякого ветра ярко-красные флажки, а затем только рассмотрел, что все это хозяйство состоит из множества слитых воедино башенок.

Исполинский замок, как я сразу определил, выстроен добротнo, надежно, с двумя рядами высоких крепостных стен, сторожевыми башнями, навесами для арбалетчиков. Чувствуется, что в самом замке масса залов, больших и малых, кроме того – тронный зал, зал для приемов гостей и послов, а также множество комнат для прислуги, охраны и не меньше трех оружейных: для короля, баронов и самая большая – для дворцовой охраны.

Нас уже разглядывали со стен, я поспешно выпрямился в седле и надменно выпятил нижнюю челюсть. От волнения я чуть вспотел, что к лучшему, под увлажненной кожей мускулатура выглядит рельефнее, круче.

– Извольте сюда, – приговаривал сэр Оуэнс, – а теперь сюда, сэр варвар...

Волк и ворон предпочли остаться обследовать кухню, а меня сэр Оуэнс повел через анфиладу залов по направлению к большому тронному. По дороге попадались придворные, пялились, я на ходу выпрямлял спину и картинно вздувал мускулатуру.

Стены прекрасного дворца проплывали мимо меня, как раскрашенная декорация, все-таки главное – человек, а главный среди людей – я, эсно, кто же еще, так что пусть пялятся, как мыши из нор на кота. Только и осталось в памяти обилие драконов в барельефах и, как их, горельефах. Горельефы – это такие вмятины, как если бы драконами, ухватив за хвосты, били с размаха по еще не высохшим глиняным стенам. А барельефы, естественно, это как

если бы драконы начали вылезать из стен, они здесь отовсюду лезут и лезут, лезут и лезут... тьфу, но увидели, что уже и так дракон на драконе и драконом погоняет, остались наполовину вылезшие. Наверное, назад тоже не пустили.

Придворные в длинных роскошных одеяниях, ессно, расписанных драконами, туфли с носками в форме драконьих голов, а сзади шнурочки в виде драконьих хвостов. Я наступил одному на хвост, бедолага тут же по-жабьи плюхнулся на брюхо, словно в юсовской интеллектуальной комедии, а за стенами с готовностью утробно загоготало, видать, это на автомате.

Наконец впереди огромные врата, отделанные серебром и золотом. Богато и страшновато одетые воины отступили, створки поползли в стороны. Я отшатнулся, ослепленный блеском и ярким светом. Огромная люстра с множеством свечей, сильный яркий свет, как от вольтовой дуги, из стен медные головы драконов, сильные выдвинутые вперед нижние челюсти служат светильниками. Масло там сгорает, как я заметил, очень ароматное, а свет распространяется чистый, оранжевый, близкий по спектру к солнечному.

Вдоль стен на роскошных диванах, кушетках и лавках сидят и весело общаются молодые прекрасные женщины. Десятка два бродят по залу. Все до единой голые, так мне показалось вначале на мой простой и даже очень простой варварский вкус. Потом, присмотревшись, заметил, что иные все же одеты в ожерелья, серьги, а некоторые даже с легкомысленными ленточками вокруг бедер. Этих, видимо, надо рассматривать, как будто они в допотопных старинных платьях прошлого века. Или самые что ни есть застенчивые скромницы. Две-три женщины встретились с наклепленными на самые кончики груди металлическими конусами. Или не металл, а блестящая фольга, не рассмотрел. Возможно, стараются ввести эту моду ультраскромности потому, что у самих соски плоские, а то и втянутые, я сам встречал пару таких женщин, они жутко стеснялись и обнажали грудь только ночью, в то время как все остальное хоть на Тверской при ярком солнце...

На том конце громадного зала блещет величием трон. Я сразу понял, что это трон, хотя ни разу не видел чтоб уж совсем настоящий королевский трон а-ля Луи: ровное и не очень удобное кресло с прямыми плоскими подлокотниками и спинкой метра в три ввысь, если не три с половиной. На троне грузный мужчина с седыми волосами до плеч, массивным лицом, словно вырубленным из камня топором, глубокие морщины на лбу, одна по-дьявольски заламывает седую бровь, на щеках удалось зацепиться двум продольным морщинам благодаря глубине залегания, а те, что помельче, так и не сумели продавить толстую дубленую кожу, выделанную жгучим солнцем, ледяным ветром, исхлестанную снежными бурями, ливнями, сухими ветрами. Скипетр и держава на широком подносе, его обеими руками почтительно держит приземистый рыцарь, а сам король в этот момент изволил осушать золотой кубок.

В двух шагах от трона небольшой стол, пара добротных обеденных кресел, но на столе – как в украинской хате после набега половцев.

Сэр Оуэнс дождался, когда король поставит посуду на поднос, вот его королевское величество взяли скипетр и державу, сэр тут же громко топнул задней ногой и провозгласил в пространство зала:

– Ваше Величество! В наши земли прибыл благородный варвар, который не сказал своего имени. Так как мы не можем допустить даже мысли о таком невежестве, то полагаем, что это именно тот, о ком гласит Древнее Пророчество Великого Дракона!

Человек на троне сделал мне знак приблизиться. Я вздул все, что можно, подошел к трону несколько деревянными ногами, так как напрягал и ноги, там у меня есть эффектные группы мышц, что классно смотрятся при таком освещении.

Король всмотрелся в меня, явно не дурак, такие, как он, не получают королевства по наследству, завоевывают мечами, вон шрамов куда больше на роже, чем морщин, на лице монарха отразилось сомнение. Вздыхнул, широким жестом указал на стол.

– Садись, благородный герой, не называющий имени. Сперва попируем, потом поговорим.

Я сел за стол напротив трона, подумал раздраженно, что достали с этим неназыванием имени. Спросили бы, я разве не сказал бы? Но назваться самому, как это делают они, нас в школе не учили. Родителей, похоже, тоже.

В сторонке через зал прошел, громко топя задними ногами и звякая золотыми шпорами, огромный рыцарь в полных доспехах. Забрало опущено, в одной руке длинное турнирное копьё, в другой треугольный мальтийский щит с эмблемой летящего дракона. Его блестящий шлем отражал блики от роскошной люстры, а начищенные латы красиво контрастировали с каменными блоками, из которых сложена стена замка, вдоль которой шел.

Слуги к нашему с королем столу набежали целой стайей, подали филе из дракона, а также жаркое из дракона и драконьи ягоды. Я не совсем понял разницу, но дворецкий сообщил шепотом, что филе из водяного дракона, он причислен к рыбным, а жаркое из горного, мерзавец два года успешно воровал скот. Кроме того, сообщил он тем же сдержанным шепотом, при восьмой перемене блюд могут подать пернатую дичь, там тоже драконье мясо, а на десерт подадут драконьи яйца...

– Учту, – ответил я тоже шепотом. – Но драконьи яйца все-таки убери. Я, конечно, верю, что это правильные яйца, но...

Я запнулся, дворецкий спросил почтительно:

– Да, сэра варвар?

– Чтобы не было иных истолкований, понял?

Он удивился:

– А какие еще?

Я огрызнулся, видя, что начинают прислушиваться:

– Щас, буду перечислять! И так сразу Фаберже да блендомед в голову лезут... Считай, что это мои рыцарские обеты... тьфу, варварские предрассудки.

– Понимаю, – ответил он с поклоном. – Человек без предрассудков – не человек.

– А кто?

– Монстр, конечно.

– Или демократ, – пробормотал я. – Хотя, если без предрассудков и комплексов женщина, это дело другое...

Тяжелый лязг прервал мои глубокомысленные рассуждения. Через зал обратно движется тот же огромный рыцарь. Теперь в руке угрожающе покачивается боевой топор с узким лезвием, левый бок закрывает щит с эмблемой спящего дракона. Светильники в медных пастях бросают яркие блики на выпуклое железо: возникают блестящими точками на лбу над забралом, медленно перемещаются на макушку, а оттуда сползают на такой же блестящий затылок.

Король снова положил на поднос канцлера скипетр и державу, то есть дубину и булыжник, с которыми первый питекантроп узаконил власть над другими питями, крякнул, засучил рукава и сказал бодро:

– Приступим. Надеюсь, благородный варвар, тебе у нас понравится.

Я покосился вправо, бросил взгляд влево, обнаженные женщины ведут светские беседы, но я чувствовал пару сотен пар заинтересованных взглядов на своей коже, мускулы уже стонут от перегрузки выказывать себя во всей красе.

– Уже нравится, – сообщил я.

И мы принялись жрать. Музыканты на помосте тут же задудели, застучали, завопили, и я понял, откуда пришел обычай играть в ресторанах как можно громче: даже я не услышал свое могучее варварское чавканье.

На роскошном королевском столе недоставало только жареного молодого кабанчика с хрустящей ароматной корочкой, вообще-то, этот кабанчик уже достал, но варвар просто обязан

есть кабанчиков и целиком зажаренных оленей, в крайнем случае – гусей, закатанных в глину и запеченных на углях костра.

Король ел профессионально смачно, много и с удовольствием. Я, как странствующий герой, тоже могу съесть бесконечно много, как и выпить, совершенно не пьянея. Перед нами ставили как части драконов: жареные, печеные, тушеные, маринованные, соленые и вареные, так и всякие всячины, вроде сушеных муравьев, вымоченных в вине улиток или отжатые в собственном соку уши нетопырей.

– Ну как, – спросил король, – как мой повар?

Пока я прожевал и проглотил ляжку дракона, прежде чем ответить, у самой двери возник мерный лязг, усилился. В трех шагах от стола, где мы пировали, опять медленно прошел рыцарь. На этот раз доспехи погнуты, от щита отколот краешек, а от рыцаря пахло крепким потом. Но блики от люстры все так же отражались от блестящего железа, а тени по дальней стене метнулись еще причудливее и угловатее.

– Чудесно, – ответил я. – Нет слов. Мы, варвары, немногословные.

Музыканты увидели, что наши челюсти перестали перетирать мясо и кости, изволим-с поглощать напитки, на помост вышел лохматый и провозгласил жирным голосом:

– А сейчас бард Уленруж Сладкоголосый споет песнь! Новую песнь о драконе, пребывающем на замке Кенг.

Я почувствовал приступ тошноты. Еще когда подъезжали к замку, слышал песнь о драконе замка Цукен, на входе во дворец пели о драконе замка Фыва, в прихожей – о драконе замка Вапр, на ступенях дворца – о драконе замка Пролд, я чувствовал какую-то странную связь этих диковинных слов с житейски привычным именем американского шпиона – Смит – и все никак не мог уловить этот колдовской смысл, эту ускользающую закономерность, разгадка которой совсем близка и угрожающе проста.

Король тоже хмурился, но терпел, монархи не всеильны, с массмедиа приходилось считаться уже тогда, будь она неладна. На помост вышел певец, длинноволосый и без перхоти, мрачный взор, не предвещающий ничего хорошего, набычился и хватил пятерней по струнам. Я поспешно схватил что-то мясное, челюсти заработали, из-за ушей пошел хороший смачный чавк. Король, глядя на меня, тоже взял заднюю лапу дракона обеими руками и вгрызся с остервенением, будто это горло певца. Как я понял, король действительно может съесть профессионально много, ведь все важные дела решаются не за картой в кабинете, а вот на таких пирах да еще в банях.

Рыцарь, погромыхивая доспехами, снова прошел через зал. Теперь в руках поблескивала странная алебарда с тремя жуткими рогами. Я наконец врубился, это для антуража, иначе могу забыть, что я в старинном рыцарском замке, а когда провожаю его взглядом, то попутно зрю узкие готические окна-бойницы, зарешеченные толстыми железными прутьями, а также замечаю массивные медные светильники, вбитые в щели между массивными камнями, толпу придворных, это дает ощущение многолюдности, заодно слышу их сдержанный говор. Вообще-то, должен бы слышать и тогда, когда не смотрю на них, но в этом я эксгибиционист... нет, солипсист, для которого существует только то, на что смотрит. А вообще-то, на свете есть даже солипсисты в квадрате, это хохлы, для них существует только то, что щупают.

Король внезапно рыкнул с набитым ртом:

– В шею!

Я не понял, к кому относился королевский гнев, хотел уже было привстать, наверное, не в той руке вилку держу, тем временем двое молодцеватого вида придворных подхватили певца под руки, а третий с удовольствием... дал крепкий подзатыльник, который, вообще-то, можно называть иначе, так как пришелся ниже спины. Этот подзатыльник получился профессиональный, как в балете, со смаком, чувствуется практика.

Дворецкий тут же оказался возле короля, сообщил доверительно:

– Приема добивается известный бард Цнард Сладкопевчий.

– Зачем? – спросил король подозрительно.

– Он споет песнь о драконе, пребывающем в замке Кенг.

Король взбеленился:

– Только что выгнали!..

– Ваше Величество, – мягко укорил дворецкий, – как вы можете?.. Это две большие разницы!.. То был дракон на замке, а этот в замке!..

Король прорычал затравленно:

– Не вижу разницы! Я простой король, из простых. Гнать! Да в шею, в шею!!!

Трое придворных, что только что вернулись, вытирая руки и поводя плечами, переглянулись и опрометью ринулись к парадной двери. По дороге им пришлось разминуться с рыцарем, что тупо и с красивой непреклонностью шел через зал наискосок, доспехи погнуты, по ним били вроде бы гигантским молотом, щит во вмятинах, но светильники обрисовывают фигуру выпукло, тени бегут впереди и сзади, укорачиваясь в нужных местах и удлиняясь в других, не менее нужных.

Я подождал, пока грохот и лязг стихнут, заметил сочувствующе:

– Вы недооцениваете роль СМИ. Это сила! Любого короля с дерьмом смешают, а дерьмо объявят общечеловеческими ценностями.

– Да знаю, – ответил король уныло. – Но что делать?

– И кто виноват, – поддакнул я, чувствуя родную почву. – На этот счет у меня имеются интереснейшие соображения...

ГЛАВА 5

Меня прервал нарастающий грохот, со спины пахнуло свежим маслом, которым смазаны доспехи и кожаные ремни, что крепят тяжелые металлические латы. Рыцарь двигался через зал, обходя наш стол, на шлеме на этот раз колышется красивый гребень из павлиньих перьев. Блеск выпуклых, как мои мышцы, доспехов стал невыносимым, но лязг удалялся, а сверкание на его спине собралось в одну точку, прежде чем погаснуть.

Я снова раскрыл рот, но в этот момент к нам подбежал дворецкий и прокричал ликующе: – Бард Хряндль Неутомимый!.. Он обещает исполнить новую песню и уступить на нее почти все права в течение сезона пира благородному королю! Песнь называется «Дракон, который умел летать».

Король с мукой взглянул на меня:

– Они что?..

Я осторожно заметил:

– Мне тоже показалось, Ваше Величество, что на драконов в вашем королевстве хороший урожай.

– Да драконов у нас до фи́га, – уныло заметил король. – Всегда... Вот только с певцами что-то не то... Или это я не тот? Ведь я король не наследственный. Ну, как это водится, жил в селе, волам хвосты крутил. Звали меня тогда просто Гариком, иногда полностью – Гарторикс, но не Вашим Величеством. Однажды ехал через наши края один знатный воин, попросил у отца напиться... Тот послал меня за кувшином к соседу, наш разбился, мы прямо из ручья пили... Станешь, бывало, на четвереньки и пьешь без забот... Я встретил того рыцаря прямо на дороге, напоил, тот посмотрел на меня, говорит: нужен слуга, а если буду себя хорошо держать, то и оруженосцем сделает. Я подумал, осточертела жизнь в навозе, взял да и смылся с ним. Поскитались, я научился владеть мечом, скакать на коне... Ну, некоторое время промышляли вдвоем, потом расстались. Я сколотил ватагу таких же отчаянных ребят, пошли по свету промышлять грабежами. Ну, так лет десять, а может, и больше, я развлекался, а потом отыскивали подходящее королевство... Словом, старого короля я, как водится, зарезал, дочь и жену обесчестил, как ни противно было: обе страшилы и никогда не мылись, своих разбойников сделал баронами, графами, маркизами и сэрами. Поцарствовал годик, как-то засвербило повидать родителей. Оставил здесь прирученную обезьяну, придворный маг дал ей мой облик, а сам потихоньку покинул замок, помчался в родную деревню. Смотрю, все как и было, отец плетень починает... Я соскакиваю с коня, весь в малиновом плаще, пальцы веером от колец золотых, на голове корона, подхожу к отцу, говорю: ты типа что же, не узнаешь меня? Я ж сынуля твой! Помнишь, ты послал меня за кувшином, чтобы напоить проезжавшего рыцаря. Я вот стал королем, у меня армия, дворец, подвалы с сокровищами, сад с райскими птицами... А он посмотрел так это на меня мутным взором, сплюнул под ноги и говорит хриплым голосом: так где же кувшин?

Король горестно умолк. Я посочувствовал:

– Крепкий у вас батюшка.

– Еще какой, – вздохнул король. – Вернулся я, но уже совсем не тот, что был. А тут еще моего отсутствия не только никто не заметил, но даже довольны, как никогда! Взял я ту обезьяну за хвост да об стенку. С тех пор из королевства ни ногой... Теперь я – король Гарторикс Первый, великий и справедливый. По крайней мере, так говорят, а я не раз переодевался и тайком ходил в народ, чтобы проверить: сильно ли брешут? Чудны дела твои, Господи, оказалось, что и между собой называют меня добрым и справедливым! Это я-то добрый, а?... Ладно, герой, давай продолжим разговор в другом месте.

– Ага, – согласился я довольно, – ага!

Но король почему-то двинулся мимо всех этих голых баб, за нами пошли двое молчаливых рыцарей. Ступеньки повели вверх, я удивился, что сауна так высоко, начал оглядываться, все знатные девки остались, значитца, в сауне будут другие, а эти только для аперитива...

Миновав еще три зала, король подошел к невзрачной двери, украшенной всего лишь большой медной ручкой в виде головы дракона. Дверь распахнулась беззвучно, у меня даже возникло желание отодвинуться и снова приблизиться, всегда интересовал механизм открывания этих дверей.

Никакой сауны, всего лишь просторный кабинет, заставленный шкапами с книгами, на трех столах кипы старых фолиантов, листья желтые, края изгрызены крысами и мелкими драконами. За столами, склонившись над книгами так, что водят носами по бумаге, сидят престарелые мудрецы: с белыми, как у луней, волосами, такими же белыми длинными бородами, согнутые, старые, в теплых халатах, разрисованных драконами всех видов.

– Вот, – сказал король грустно. – Те мудрецы, которые создают... Но знают не их, а тех... которые про драконов!

В кабинетной тиши скрип его зубов раздался не тише, чем треск жерновов, между которых попал валун размером с человеческую голову.

– Увы, – сказал я.

– Садись, – пригласил король. – Сбрось вон те книги на пол и садись. Мудрецы, вы можете дать нам совет?

Мудрецы оказались разные: если один просто кивнул, второй кивнул головой, третий – своей головой, четвертый – своей собственной головой, пятый – своей собственной головой в знак согласия, а шестой вообще ухитрился кивнуть своей собственной головой в знак своего собственного согласия, соглашаясь со сказанным.

– Вот этот, – шепнул я королю. – Посоветуемся с ним...

...и поступим наоборот, решил про себя, однако для короля и мудрецов напряг мускулы и недоверчиво-надменно посмотрел на всех свысока.

Король откашлялся, сказал медленно и печально:

– Когда все умные средства испробованы, остается... сам понимаешь, что остается! Ты – наша последняя надежда, великий герой!

Я вскинул предостерегающе ладонь, покосился краем глаза на мутноватое зеркало в дальней стене, слабовато, но можно контролировать осанку, прервал без всяких церемоний, ибо какой спрос с варвара:

– Прежде всего мои проблемы! А потом ваши. Договорились?

Король вздохнул печально:

– А разве у нас есть выбор?

– Итак, – сказал я, – только на последней версте... это такая миля с гаком, уже почти в виду замка, на меня трижды бросались разбойники, налетали гарпии, из-под земли вылезали толстые жуки и пробовали утащить в свои норы... На выходе из леса прибил неудачника, что и голову потерял, и проговорился, что на меня покушаются по приказу Хозяина Тьмы.

Мудрецы молча согласно кивали, кивали головами, кивали головами в знак согласия, даже кивали своими собственными головами, только король спросил непонимающе:

– Кто успел сообщить, жук?

– Да нет, – поправился я, – я ж говорю, неудачник... Хотя скажу вам, Ваше Величество, жук был еще тот! Но все сказал, мерзавец... все, что успел.

Мудрецы переглядывались, в глазах видна работа мысли. В окошко заглядывает косой солнечный луч, по толстым балкам вдоль окна тянется зеленая веточка вьюнка. Тонкий стебель просвечивает на солнце, я различил, как поднимаются крохотные струйки полупрозрачного сока.

Со двора на прогретый камень окна вскарабкалась крохотная ящерица. Замерла, нежась под лучами солнца. Мой желудок начал подбираться к горлу, эти пресмыкающиеся достали, бедную ящерку могу прибить только за то, что чересчур похожа на дракона.

Король не стал садиться, прошелся взад-вперед, выставив королевское брюхо. Горностаевая мантия красиво подметала пол. Я никогда не видел горностаев, но мантия у короля горностаевая, это точно.

Он внезапно остановился, вперил в меня пристальный королевский взор.

– А можно подробнее о покушении?

– Каком именно? – спросил я. – Я вижу, здесь все только и делают, что покушаются на мою варварскую жизнь.

– Которое по приказу Властелина Тьмы, – сказал он. Голос стал тверже, уже не короля, а вожака отчаянных парней, что рушили баронства, герцогства, а потом и захватили королевство. – Одно дело, когда просто нападают с целью пограбить...

Я сдвинул плечами:

– С меня что возьмешь?

– Тогда с целью показать свою удаль. Таких дурней тоже хватает.

Мне почудилось в королевском голосе неодобрение, усмехнулся про себя, говорят же, что, когда черт в старости грешить уже не смог, он в монастырь пошел, святошей заделался. Стареет король, сказал бы ему кто-нибудь такое, когда отправился выказывать удаль, вместо того чтобы пахать подручным у отца!

– Да, – согласился я, – те точно не собирались грабить, это я их пограбил... потом. И удаль выказывать им было по фигу, морды больно расчетливые. Такие обычно скитаются по свету, раскапывают старые могилы, грабят одиноких путешественников, а когда нет добычи, то и нанимаются в чье-либо войско. Но что меня несколько встревожило...

Я замялся, не решаясь брякнуть цену за свою голову, не поверит, но король спросил требовательно:

– Говори, я ведь не родился королем!

– То-то и оно, – сказал я несчастным голосом. – Значит, вы знаете цену деньгам, Ваше Величество.

– Еще помню, – ответил король кисло. – А что?

– За мою голову предложено ни много ни мало, а мешок золота и, вы будете смеяться, королевский трон!

Он нахмурился, взглянул с подозрением. Я развел руками, зря такое брякнул, король посопел, пробурчал:

– Дурь. Даже если ты идешь убить того короля... в смысле, Властелина Тьмы, с чего бы стал отдавать трон? Надует, точно надует.

– И я так решил, – поддержал я охотно, – но те трое клялись, что обещание закреплено какой-то особой клятвой. А они ребята ушлые, Ваше Величество! Таких на мякине не проведешь.

Он нахмурился, походил взад-вперед по комнате. Я наблюдал за его поистине львиным лицом, царственной осанкой, грозным видом отважного воителя, что наконец-то завоевал себе королевство, теперь может расслабиться и оттянуться на старости лет.

Он повернулся к мудрецам. Те притихли под острым взглядом человека, Рожденного Отдавать Приказы.

– А что скажете вы?

Они переглянулись, наконец один проблеял дрожащим голосом:

– А вы уверены... э-э... что не представляете... э-э-э... какой-то особой ценности?

Я замялся. Конечно же, я знаю, что я и есть самая что ни есть уникальная ценность, потому что это и есть я, любимый и единственный, а все остальные... они совсем не ценные

уже тем, что они – не я, но что-то все еще мешает говорить об этом вслух, хотя другие уже об этом говорят и пишут без всякого стеснения, мужчины ходят, распустив животы, а женщины не разгибают коленей, полагая, что приоткрытые яйцеклады все компенсируют.

– Не уверен, – ответил я честно. – Не уверен.

– А особой ценности для Хозяина Тьмы?

Я ответил на этот раз быстрее:

– Да я его в глаза не видел!

По их лицам видел, что брякнул глупость, для ненависти вовсе не надо кого-то видеть, ненавидели же мы британских колонизаторов, проклятых юсовцев, римского полководца Красса, испанских инквизиторов, Гитлера, Буша, сволочного Яго и хохлов, что воруют газ и нефть из труб.

– А он вас? Через магическое зеркало?

– Ну и что? – буркнул я. – Неужели за мою замечательную фигуру можно возненавидеть настолько? Мешки с золотом на дорогах не валяются! Да и трон... гм...

Король предположил:

– Может быть, вы и есть наследник их престола? Истинный?.. Ну там Властелин Тьмы силой и предательством устранил законного императора, благородного... как его там, но было известно точно, что настоящий император успел оставить наследника... Это случается на каждом шагу!

Я ощутил приятное щекотание. В засыпальных грезах иногда представлял себе, что я – потомок Александра Невского, Дмитрия Донского, а то и вовсе самого Рюрика, так что почему не предположить, что моя родословная тянется до самого Тамонхаима?..

В тиши раздался дребезжащий голос:

– Ваше Величество, это можно узнать только одним способом.

Король кивнул, ему было все понятно, только я спросил довольно глупо:

– Каким?

Он взглянул без удивления, ведь я варвар, а кто ждет от варвара умничания, за это нас и любят, хотя стараются близко за столом не садиться, а в темных переулках не встречаться.

– Квест, – обронил он просто.

– Квест, – повторил я, – какой квест? Я квесты не люблю! Я – экшенник, фрагист, эртэ-эсовец. В крайнем случае эрпэгэ, если не слишком много умничают с разговорами. Да и нужен ли он?

Король развел руками:

– В последнее время этот человек... если он человек, которого именуют Властелином Тьмы, Мастером Ужаса, Владыкой Зла, начал активно расширять свои пределы. Уже захватил соседние королевства, собирает армии для движения в наши края. Нам будет трудно дать ему отпор... Стыдно сказать, но я почти забыл, с какой стороны братья за боевой топор. Армию давно распустил, с соседями живу не разлей вода, друг на друга не нарадуемся. Вообще мечтаем, что неплохо бы как-то объединиться в одно большое королевство тихо и незаметно...

– Общий Рынок, – обронил я понимающе. – Интеграционные процессы, а то и вовсе глобализм на марше... А Черный Властелин тоже глобалист, только по-своему, по-юсовски. А Юсландию, эту империю Зла, надо остановить, вы правы. Но только не понимаю, какого хрена она на меня взелась? Я хоть юсовцев и не люблю, но живу, стыдно сказать, как юсовец. И ничего не могу поделать. Даже чешусь после бани. Слаб человек, а я местами так вообще общечеловек, хоть обычно не признаюсь, чтоб не приняли за демократа. Я им что, дорогу перешел?

– Или заступил, – сказал король.

В комнату вошел прихрамывающий немолодой мужчина в длинном халате до пола и с капюшоном, скрывающим лицо. Откинувшись назад, нес перед собой большую медную посу-

дину с колыхающимся маслом. Мудрецы опасливо прикрыли ладонями и локтями книги, когда он начал зачерпывать ковшиком масло и подливать в светильники. Правая рука вздрагивала и не разгибалась в локте, явно плохо срослось сухожилие. Молодец король, всем дал работу, старый воин не выброшен на помойку, чувствует себя нужным обществу. Даже обществу мудрецов. Огоньки тут же вспыхивали ярче, веселее, даже черные тени стали полупрозрачными и прижались к полу.

– Узнать бы, – произнес я с неудовольствием, – в чем заступил...

Мои глаза продолжали следить за этим хромым, я старался понять, почему появился в такой важный момент. То ли шпион Черного Властелина, а это значит, что мое положение гораздо хуже, то ли соглядатай соседних королей: дружба дружбой, а разведки работают, то ли человек клана магов, что хотят подчинить короля своей власти, чтобы им приносили в жертву девственниц... но вполне может быть, появился для того, чтобы я не забывал, что не в поле ведем беседу, а находимся в королевском замке, в большой библиотеке, просторном каменном помещении с множеством книг, горят светильники, так как уже вечер, что всего два окна, узких, стрельчатых, с цветными стеклами.

– Ты знаешь, – сказал король и взглянул мне в глаза, – как можно выяснить.

Я поморщился, у меня фигура варвара, но варваром я себя чувствую, только когда настроюсь или когда совсем уж забалдею или расслаблюсь, все-таки интеллигентность не спрячешь даже под мускулами.

– Всегда одно и то же, – ответил я с неудовольствием. – Снова бить зад о конский хребет... Пусть даже между хребтом и задом комфортное седло, но передвигаться со скоростью восемь миль в час, под солнцем, ветром, дождем, лягушками с неба, а из придорожных кустов будут через отмеренные промежутки времени выскакивать довольно жалкие разбойники...

– Жизнь есть жизнь, – философски заметил король.

– Я хотел бы, – пожаловался я, – чтобы моя жизнь была более гладкой! Но чтоб не стала, конечно, задницей.

– Жизнь, – проговорил король, – сложная штука. Сделать сложную жизнь простой может только хороший меч. Или боевой топор. Что и хорошо для нас, верно?

Он улыбнулся, глаза сверкнули огнем. Я увидел на миг в этом стареющем льве некогда грозного хищника, сердце дрогнуло, то был еще тот дядя, не хотел бы с ним встретиться, когда он был лет на сорок моложе.

– Жизнь прекрасна, – пробормотал я, – что и удивительно! Я вот только боюсь, что жизнь – это то, что происходит, пока мы строим другие планы.

– Ну, – сказал король успокаивающе, – это же все мелочи...

– Если жизнь из мелочей, а мелочи постоянно не хватает, то что это за жизнь!

– Жизнь слишком длинна, – проговорил король, – чтобы быть незначительной. К тому же слишком коротка, едва успеваешь ее испортить.

Я промолчал, ведь мне положено тут же хвататься за меч, дико вращать глазами и рваться на бой с Властелином Тьмы, но что-то очень не хочется, я знаю и то, что если серого вещества в голове мало, то жизнь становится серой, а если, как вот у меня, много – жизнь становится черной.

Мудрецы шептались друг с другом, разворачивали длинные грамоты, свитки, рулоны пергамента, указывали один другому, в нашу сторону посматривали с боязливой осторожностью. Король взглянул на меня оценивающе, во взгляде промелькнуло обидное для меня понижение.

– Надо, – произнес он веско.

– Кому? – спросил я.

– Человечеству, – объяснил король. – Ведь это именно на него надвигается Тьма. А заодно спасешь наше королевство, мой народ, наших коней, коз, кур, хомячков, а также и свою жизнь, ибо Тьма... о, я это хорошо знаю!.. сжирает все, не оставляя даже костей!

Я не успел ответить, с треском распахнулась дверь. В проеме появился шатающийся человек в иссеченных доспехах, кровь струилась из множества ран, несколько стрел торчат из спины, а одна высунула окровавленное острие из середины груди.

Король вскричал страшным голосом:

– Что? Что стряслось?

Гонец сделал шаг на подгибающихся ногах, лицо покрыто смертельной бледностью, прохрипел сорванным голосом:

– Ваше Величество... Королевство Филидония пало...

Король вскрикнул, изогнувшись и приподняв плечи, будто ему самому в спину вонзили раскаленное лезвие:

– Как?.. Там неприступные крепости!

– Колдовство, – прохрипел гонец. – Известно только, что войска Властелина остались на местах, а вперед он пустил армию колдунов.

Он пошатнулся, упал лицом вниз. Подбежали стражи, подхватили и унесли. Я обратил внимание, что кровавых следов не осталось. Один из мудрецов, не самый старый, проговорил осторожно:

– Сомневаюсь...

– Что, – спросил король зло, – что покорена Филидония?

– Насчет армии колдунов сомневаюсь, – проговорил мудрец упрямо. – Колдуны – товар штучный. Как и мудрецы. Из них не то что армию, отряд не составишь. Если у Властелина Тьмы наберется десяток колдунов, это уже много. В каждом его королевстве – по одному, по два. Ну, при нем еще один-два, не больше. Так что не колдунами покорена Филидония, не колдунами...

Король спросил яростно:

– А чем же, как не колдовством?

– Я не сказал, – возразил мудрец, – что не колдовством. Я сказал, не колдунами. Но колдовство... что-то новое, куда более страшное, убивающее.

– Ты все старые книги просмотрел?

Мудрец поднял на него очень серьезные глаза, усталые, покрасневшие, с темными мешками.

– В старых книгах этого нет, – ответил он так тихо и жутко, что у меня холод прокатился по телу и остался в сердце. – Это что-то новое... Боюсь, еще никто не знает, как выстоять против этого нового колдовства.

Маги расстелили перед королем карту. Одна половина была светлой, другая совершенно черной. Я сразу догадался, что там территория Тьмы. На глазах чернота наползала, отгрызала по миллиметру, по микрону, по ангстрему, но я замечал, хотя не умом, конечно, умом что поймешь, а вот классовое чувство говорит отчетливо, что Штаты наступают, этого не скрывать никакими отвлекающими колдовскими штучками.

Король сказал невесело:

– Там самые плодородные земли. По ту сторону реки, помню, были два города... Где они теперь? А дальше земли благородного барона Пемпла... Что с ним?.. Чуть левее владений Пемпла идут обширные угодья герцога Кантантейского... Совсем недавно с ним гоняли вепрей и других птиц... Куда его? Дальше начинаются земли племени лемков, гуцов, хотичей, липовян... Все эти несчастные народы стонут под игом Властелина Тьмы и ждут не дождутся своего Спасителя... Надеюсь, благородный варвар, скрывающий имя, ты знаешь, кого они ждут!

– Спасителя – хреново, – сказал я твердо. – Не согласен!

– Почему?

– Был у нас один Спаситель, – объяснил я. – После него всех дурачков иисусиками звали. Давай лучше – Избавитель. Или Освободитель!

– Хорошо, – согласился он с настолько неожиданной легкостью, что я сразу ощутил себя обутым. – Освободитель. С чего начнете, благородный герой?

Я удивился:

– Как с чего? Явлюсь и скажу, бия себя в грудь: братцы, так вот же я! Спаситель ваш... Тьфу, Освободитель!

Он печально покачал головой:

– Увы, благородный герой. Не так все просто. Сперва надо показать себя. Ну, что ты в самом деле тот, кого ждут эти стонущие под игом народы...

Он рассказывал, но странным образом я уже знал наперед, что он скажет и что мне предстоит делать. Все укладывается в привычную схему: получить лэвэлы, набрать пойнты, распределить бонусы, выполнить добавочные квесты, заслужить репутацию, чтобы под мои знамена встал народ... а также колеблющиеся бароны, герцоги, королишки и всякие там конты. Вообще-то я не знаю, зачем это, все равно решится все в поединке с боссом, всегда так, но почему-то и всю мелочь должен перебить сам.

– Как насчет отдельных личностей? – спросил я. – Если кто-то уцелеет, мне что, искать по всей карте? А если еще туман войны, то вся эта затея – гиблое и муторное дело...

– Да нет, – сказал он. – Главное – побить их Императора Тьмы.

– Хорошо, – сказал я с облегчением. – Один – это хорошо.

Король сказал задумчиво:

– Только ты, великий герой, сможешь его побить. Ведь он, подлец, бессмертен!

ГЛАВА 6

Не знаю, почему это на ночь есть вредно, но я если не поем, то вообще не засну, мучаясь ужасными муками голода. Ну, во всяком случае, есть будет хотеться. А ночью что-нить приснится съедобное вместо привычных голых баб. Так что я ел,пил, слушал песни и бородастые анекдоты, здесь они самый свежак, дивился, что половина приколов уже известна, только компьютерные еще не в ходу.

Мне предоставили богатые покои, кровать с обеденный стол на двенадцать персон, восемнадцать перин одна на другой, золотые светильники на стенах. Дворецкий тихо осведомился, сколько девственниц прислать на ночь, я подумал, ответил с некоторым колебанием, чтобы показать, сколь сильно искушение, что верен донне Изольде и сегодня ночью собираюсь бороться с искушением плоти.

Дворецкий ушел несколько озадаченный, да и я ощутил, что где-то перехлестнул вожжи. Такие обеты давали не варвары, а рыцари, да и те не простые, а бла-а-ага-а-ародные, что значит, совсем уж быстро вымершие. Как известно, динозавры и рыцари вымерли, а тараканы и простолюдины уцелели, даже весь материк за океаном заселили, расплодились, ничего их там не берет, гадов.

– А я – варвар, – заявил я вслух, чтобы укрепить себя в благородном варварстве, не дать соскользнуть в гнилую интеллигентность. – Куда хочу, туда и... ладно-ладно, ворочу.

Пусть воспринимают как настоящего варвара, героя, а не юсовца, что косит под героя. К герою-юсовцу у нас приучили каждого дурака, а дураками, как известно, заполнен мир. Именно юсовцы спасли мир от фашизма, разгромив в одиночку из сострадания к остальному человечеству, а сейчас не меньше ста раз в сутки спасают мир от русских мафиози, русских генералов, русских сумасшедших ученых, русских террористов, русских мафиози, русских генералов... ну и что, если по второму разу, они все время крутятся, как белки в колесе, по одному и тому же треку одних и тех же тем и сюжетов, иногда разбавляют арабскими террористами, а теперь, конечно, добавят малость еще и французов, что отказались пристегнуться к их бронетранспортеру, как английский пудель...

Они же спасают мир и все человечество от пришельцев со дна океана, пришельцев из будущего и прошлого, инопланетян, астероидов и комет, хакеров, крекеров, вирусов, эпидемий, годзилл и больших обезьян, а также пауков, скорпионов, мумий, ведьм, вампиров, взбесившихся овощей, крокодилов, анаконд, муравьев, цунами, вулканов, черных звезд, мыслящей плесени и всего-всего, что есть на свете и чего нет на свете, а также и того, что никогда не будет.

Я направился к кровати, вот прямо щас на все эти восемнадцать перин заберусь прямо в сапогах... и тут обнаружил, что держу в руке куриную лапку. Попытался выбросить, но как приклеилась, старался понять, в чем дело, потом сообразил, что не помню, чтобы доел или положил обратно. А раз так, то вот она, в руке, как и была, все вроде бы верно, но это же идиотизм, нельзя же помнить о таких мелочах, многое совершается на автоматизме, рефлексам, алгоритмах, и если, скажем, утром встал, наскоро умылся и побежал на работу, то это вовсе не значит, что прохожие увидят бегущего по улице голого человека. Дурак – да, прицепится: если не сообщил подробно, как одевался, что именно и куда надел, то, значит, иду голым, но, если на дураков ориентироваться, куда придем?.. Понятно, к демократии. Уже, кстати, приплыли.

Озлившись, хотел зашвырнуть куриную лапку подальше, но обнаружил, что ладонь пуста. Вот что значит разозлиться. Или твердо стоять на своем – уверенность в правоте передается и другим.

Повеселев, я расправил плечи, посмотрел по сторонам орлом, разве что не закукарекал, но все-таки стащил сапоги, надо меру знать и в варварстве, забрался по лесенке на постель.

Надеюсь, волк и ворон устроились не хуже меня.

Я падал прямо в Солнце, вздрогнул, открыл глаза и тут же зажмурился, ослепленный: яркий луч бьет прямо в лицо. Закрылся рукой, я в той же спальне, на рукояти меча блещут искры, все так, как и поставил, и все, что случилось ночью, можно тоже счесть сном... если бы не потемневшая лужа на полу вокруг острия моего трехручного. Сам меч чист, умница, кровопускающий, но и кровоотталкивающий, не придется чистить. Да и не заржавеет, наверное.

Через окно видно, как в дворцовом саду над цветами выются крохотные дракончики. Солнце блестит в слюдяных крылышках, мелкие чудовища сталкиваются в полете, обозленно гоняются друг за другом. Один на моих глазах жадно вцепился в головку цветка, тот даже слегка накренился под тяжестью, а дракончик суетливо принялся собирать длинным язычком сладкие капли с внутренней поверхности лепестков, расталкивал мохнатые тычинки, перемазался пылью весь, как шмель, и когда наконец отлепился и взлетел, вокруг него взвилось золотое облачко.

Через другое окно видно, как во дворе перед конюшней моют, чистят и готовят моего рогатого жеребца к дальней дороге. Я отодвинулся, вспомнил, что снилось всю ночь, разозлился, начал ходить взад-вперед по спальне, тут же от напряженных раздумий голова затрепала, как деревья в мороз. Но под черепной коробкой я чувствовал жар, а когда приложил руку ко лбу, с криком отдернул руку. На кончиках пальцев подушечки побелели, вздулись.

Я, конечно, варвар, но я варвар с двумя «высшими», так что слыхивал о неуязвимых героях, даже о бессмертных и неуязвимых больше, чем эти, живущие с ними бок о бок. И хотя всегда о таких говорили именно как о бессмертных и неуязвимых, но потом выяснялось, что у каждого есть нечто уязвимое. Больше всех знают, есно, про Ахилла, которого в пятку, еще помнят о Бальдуре, которого можно было только стрелой из омелы, почти не знают о таких замечательных героях, как Сослан или Батарадз. У Сослана уязвимыми были колени, а у Батарадза – одна-единственная кишка во всем теле!

Увы, все эти герои погибли. Как и доблестный Зигфрид, у которого на спину в процессе обессмерчивания прилип кленовый листок, и там осталось уязвимое место, так и неустрашимый Исфандиар, бессмертный и непобедимый, пока не встретил Рустама, который попал стрелой в левый глаз, единственное уязвимое место героя...

Даже толпы вампиров, бессмертных и все возрождающихся, гибнут от стрел с серебряным наконечником, а теперь – от серебряных пуль! А для надежности еще если и осиновым колом пронзить грудь, то вообще не копыхнется.

Круче всех на свете придумал русский антигерой по имени Кашей. Он вообще свою смерть ухитрился отделить от тела, спрятал на каком-то Буяне на вершине дуба в несокрушимом сундуке или сейфе, а там еще в утке, а утка в зайце!.. А в утке яйцо, в яйце – игла, которую хрен сломаешь! Но если даже Кашей все время бьют и мертвят, то вывод один: бессмертия в чистом виде не существует. Всегда есть возможность, к примеру, самому герою покончить с собой, если вдруг бессмертие разонравится и герой перестанет считать его для себя ценным. Чтоб, значит, бесценный подарок не превращался в наказание.

Но задолго до того, как самому счастливчику взбрдет в голову такая безумная мысль, многие ловкачи стараются поторопить события.

– Значит, – прошептал я измученно, – есть уязвимое место и у этого... мерзавца. Есть! Но где, где?..

Со двора донеслось призывное ржание. Я выглянул, ворон уже важно прохаживается по седлу, а волк неотрывно смотрит в окно. Я помахал им и, не желая долго блуждать по длинным коридорам, ухватился за толстые железные прутья в окне, отогнул, а потом и вовсе вырвал из стены, грубому варвару можно все.

По стене такие виноградные лозы, слона выдержат, я спускался неспешно, чувствуя восхищенные взоры челяди. Сегодня будет разговоров о грубом и могучем варваре, все видят мою

обнаженную спину с трехручным мечом в ножнах, видят, как играют и перекатываются шары мускулов, как вздуваются мышцы, как мышцы вздуваются, а шары перекатываются, как... неважно. Красиво перекатываются!

Когда до земли осталось с полметра, я красиво соскочил, присел и распрямился, огромный и блистающий, ибо слегка вспотел, от этого рельеф просто обалденный, каждая мышца как вылепленная, даже как выкованная!

Мне захлопали, я вскочил на коня, раскланялся. Снова покричали, похлопали, в воздух взлетели чепчики, а я недрогнувшей дланью развернул коня. Дорога нам на север, Рогач понес резвой рысью не к далекому выходу из дворца, а прямо через роскошный сад. Он видел, как я сократил себе путь из дворца, точно так же сокращал и себе со двора.

Между розовыми кустами, несмотря на ранний час, двигаются с лейками садовники и садовницы. Садовники – в длинных халатах до пола, сгорбленные, с низко наброшенными капюшонами, а садовницы – с легкой гирляндой цветов на обнаженных бедрах, что сваливаются при любом движении.

Дальше потянулся личный сад принцессы, никто не смеет входить и нюхать или ухаживать за ее цветами, мы неслись вчетвером в полной тишине, раздвигая телами ароматные стены. Волк присвистнул на бегу, я увидел в дальнем уголке сада самую прелестную девушку из тех, которых видел. Юная, золотоволосая, с нежным лицом, она со смехом отбивалась от крохотного дракончика с цветными крыльями стрекозы, что швырял в нее цветами.

Естественно, она тоже голая, но с ее чистотой и целомудренностью смотрится вовсе не голой, а всего лишь обнаженной. Мы на бегу, все четверо, повернули головы, ворон даже что-то каркнул одобрителное, хотя что он понимает, пернатое.

Вдруг, когда готовы были проломиться через цветочную стену и вырваться из сада на простор, в трех-четыре метра от того места, где я уже наметил выход, разлетелись листья и цветы, словно с той стороны ударили обломком скалы.

В сад, проломив высокую каменную стену, вломился огромный свирепый монстр. Я даже подумал, что это вернулся вчерашний орк. За другой, значит, но со второго взгляда понял, что этот повыше на две головы, в плечах пошире, а из доспехов только широкий кожаный ремень почти до колен. И тоже прямо к принцессе, скотина! Я не знаю, что у них за чувство прекрасного, ну ни одна же тварь не сворует кривую или старую, а все самых что ни есть лучших и поспевших. Сами уроды, но женщин им подавай только лучших. Бывает, и не разберешь, какая из двух лучше, но монстр обязательно схватит ту, что краше. И никогда не ошибется.

Я взял меч обеими руками. Во всем теле разыграла мощь, кровь вскипела в предчувствии жаркой схватки. Мои группы мышц задвигались, устраиваясь поудобнее, сухожилия затрепетали в боевой готовности. Рукоять как прикипела к моим шершавым ладоням, а узкий луч солнца упал на лезвие моего трехручного, красиво и страшно раздробился на множество узких стрел, ранящих глаза.

Из-за кустов поднялось пятеро рыцарей в полных доспехах, с мечами и топорами в руках. Тайком охраняют, значит. Вот и верь про неприкосновенность сада принцессы... У каждого рыцаря на левой руке треугольный щит с изображением красного дракона, на шлемах выдавлена морда дракона. Когда выхватили мечи, я успел заметить, что рукояти выполнены в форме драконьих голов.

Они сшиблись, я приготовился перед отбытием на подвиги немного понаблюдать за схваткой, однако монстр разметал всех пятерых, как сухие листья. Пока они ворочались, размазывая внутри шлемов кровавые сопля, монстр перешагнул через их тела и схватил принцессу. Она отчаянно завизжала и начала колотить его по морде крохотными кулачками.

Волк в возбуждении крикнул:

– Вот оно!

– Что? – спросил я, не поняв.

– Самое время показать себя!

Я уже повернул к монстру своего бестрепетного рогоносного коня, меч в обеих руках, сила и мощь перекачиваются по всему телу, наполняя ликующей дрожью, но в этот момент я ощутил, как в моем теле проснулся тот, с двумя «высшими». Этот сразу усомнился, заколебался и этими колебаниями отравил мне душу. Волк рычал, ворон каркал, наконец уже ворон заорал в самое ухо:

– Да помоги же, придурок!

Я затравленно вскрикнул:

– Кому?

– Ну не монстру же!

– Почему нет? – возразил я потерянно. – Откуда знаете, по какому пути пойдет цивилизация, если я спасу эту... красавицу? Вообще имеем ли моральное право вмешиваться в судьбы развития других цивилизаций?

Монстр оглянулся на меня, выпустил красавицу из лап и принялся добивать охрану, но было видно, что этой забавы хватит ненадолго: доблестные рыцари сплющивались, как консервные банки.

Волк взорвался:

– Да ты дурак, что ли?

– Наоборот, умный, – возразил я с достоинством. – У меня два высших образования! Я не какой-нибудь Тарзан, что не думает!.. Я везде думаю. Иногда даже по два раза. А это сложный философский вопрос...

Монстр закончил расшлепывать охрану, снова схватил принцессу. Она визжала и царапала его ногтями.

– Так ты сможешь или нет? – проорал волк.

Я застонал, чувствуя, как на мои плечи обрушивается вся тяжесть судьбы будущей цивилизации этой планеты:

– Но если спасенная принцесса нарожает злодеев? Ведь она красивая, а красивые что-то не спешат выходить замуж за умных! Как раз красивых расхватывают мускулистые дебилы и дяди с толстыми кошельками. А она не просто худосочная красавица, посмотри, какие у нее бедра!

Волк простонал:

– Да вижу, вижу!

– Сочные, – каркнул ворон. – нежные.

– Широкие, – поправил я с отчаянием. – Не какая-нибудь Нефертить. Эта нарожает дюжину, а то и две. Тут не Китай, до ограничения рождаемости еще как до свистящего в четверг под дождем на горе рака! И что тогда? Ее здоровенные дети пойдут нагибать соседние народы, образуется империя, за политическое устройство которой я уже вот прямо сейчас несу ответственность?

Монстр оглянулся на меня с недоумением, замедлил шаг. Тупой волк все пытался броситься на вторжителя, я нагнулся с коня и запустил пальцы в теплую густую шерсть, тянул на себя, чувствуя толстую добротную кожу, у меня когда-то была куртка из такой кожи, только уже выделанной. Ворон возбужденно каркал, но мою голову распирали сложнейшие этические вопросы, которых эти двое простых и даже чересчур простых не понимают, а вот я, с двумя «высшими», понимаю на всю катушку.

Монстр споткнулся, выронил принцессу. Она с визгом выскользнула из его лап и бегом вернулась на прежнее место. Монстр заревел, грозно побухал себя в широкую мохнатую грудь длинными мускулистыми лапами, там загудело и застонало, как в огромном дупле, снова посмотрел на меня, я показал ему, чтобы постучал по своей дурной голове, но он не понял, дубина, повернулся и замедленно двинулся к принцессе.

– Но ведь красота, – прокричал волк, – это великая сила?

– Великая, – крикнул я в тоске, – но где сказано, что добрая? И что есть Добро? Хотя на фиг мне добрая, нужна цивили.. цивилизиру... нет, цивилизующая, вот! Но как раз цивили... словом, чаще прогрессу помогают те, кто рылом не в калашный ряд!

Монстр опять ухватил принцессу. Она визжала, царапалась, даже попробовала укусить, я видел, как она с омерзением выплюнула клок шерсти размером со стог сена, зубы у нее тоже явно белые, красивые и крепкие.

– Нет, – сказал я с отчаянием, – почему я должен решать такое? Почему на мне такая ответственность?

Монстр понес красавицу, она все еще визжала, не переставая, великолепные легкие, колотила его, не уставая, а монстр шел уверенно и победно, смотрел на меня с вызовом. Он не заметил небольшой ямки, остутился, охнул и, чтобы удержаться, красиво раскинул лапы в стороны. Принцесса выпала, грациозно подхватилась и, не переставая визжать на той же прекрасной отчаянной ноте меццо-сопрано, бросилась обратно к своим цветам.

Мне показалось, что монстр грязно выругался, но вполголоса, и снова пошел к принцессе. Лапы он раскинул заранее, большие, толстые и мускулистые.

– Промедление смерти подобно, – заявил волк. – Ты должен ее спасти из рук этого отвратительного монстра!

– Ни фига, – возразил я. – У меня два «высших»! Я настоящий русский интеллигент. Я подожду, пока найдется баран и спасет, а потом задолбаю его сложными вопросами общечеловеческих ценностей: а имел ли он моральное право вмешиваться, а по каким критериям решил, что имеет право определять, кому жить, кому умереть... Ведь если ее дети кого-то прибьют, кого-то зарежут, тот, спасший ее придурок, в ответе и за все будущие жертвы!..

Монстр снова ухватил принцессу, вскинул на руки или мускулистые мохнатые лапы. Принцесса визжала и отбивалась. Монстр посмотрел на меня уже с недоумением.

– Нет, – сказал я решительно, – такие сложные вопросы... можно с полным правом сказать, жизнеутверждающие, нельзя решать вот так с кондачка. А того барана, который ее спасет, я забодаю! Ты хочешь, чтобы я сам себя довел?

Волк изумился:

– Так не доводи!

Я ахнул от такого невежества:

– Как это? Я ж настоящий русский... Да чтоб не покопался в своей темной мохнатой душе? Да мы ж всю жизнь роемся в этом дерьме, как золотари, в то время как другие спасают, воруют, строят, ломают, гребут, отдают, имеют! Но зато мы не такие приземленные, понимаешь? Мы зато одухотворенные. От нас такой дух идет...

Волк спросил осторожно:

– Какой... дух?

– Национальный, – ответил я гордо. – Здесь тоже все монстры будут со страхом и непониманием говорить: ого, русским духом запахло! И побегут, побегут во все стороны, ломая ноги в колдое... словом, нанося себе травмы. Ибо с нами связываться опасно. Что русскому по фигу, монстру – смерть.

Монстр проломился сквозь живую изгородь в прежнем месте, мы протаранили в трех шагах правее. Некоторое время мы еще двигались параллельным курсом под углом градусов в сорок пять, затем его скрыли настоящие деревья леса.

Конь шел бодрый, потряхивал ушами. Седельный мешок набит отборным ячменем на неделю вперед, конь это подсмотрел, идет весело. Ворон, устав орать, переступил с лапы на лапу на перевязи и приготовился задремать.

Волк бежал рядом с конем взьерошенный, клыки все еще не мог убрать, глаза красные. Прорычал, не глядя в мою сторону:

– А по-моему, мой лорд, вы здорово сглупили.

Но теперь, когда конфликт разрешен сам собой, я ощутил себя намного увереннее, ибо в вопросах «если бы да кабы», это называется альтернативной историей по-русски, нет круче нации, чем моя, лучшая в мире. Я не стал вдаваться в сложнейшие вопросы, здесь все свои, просто огрызнулся:

– Я не мог сглупить.

– Почему?

– Потому что я – настоящий русский интеллигент! Все виноваты, кроме меня. А я виноват не бываю. Никогда. Единственное, в чем могу признаться, так это в лени, которая не дает в полной мере развиваться моим замечательным способностям. А также в моей беспредельной честности, которая не позволяет стать богатым в этом волчьем мире... А я, конечно же, мог бы стать легко и запростяру! Понял?

– Понял, – ответил волк и на всякий случай отодвинулся в беге. – Как не понять. Не такой уж я и серый.

Ворон каркнул сонно:

– Я полагал, что это святая обязанность героя – умереть за Родину.

– Ни фига, – возразил я. – Наша обязанность, чтобы они там все умерли за свою проклятую Америку! Хотя со своей общечеловечностью тут же сдадутся! И постараются сразу же расслабиться. Они ж все демократы, а это значит, что... ну, словом, иной ориентации.

Ни волк, ни ворон ни фига не поняли, а я объяснять не стал, как будто и сам, побывав в том мире и ничего в нем не изменив, немножко стал иной ориентации или приобрел более гибкую совесть.

ГЛАВА 7

Мы не проехали и полукилометра, как из замка выплеснулась погоня, так я решил, стал спешно думать, куда смыться. Не драться же, в самом деле, дикость какая, общечеловеки не дерутся, они других посылают или нанимают, но ворон прокаркал:

– Король!.. Сам король впереди под красным знаменем!.. Машут, просят остановиться.

Я похлопал по карманам, озабоченно огляделся:

– Никто ничего не забыл? Особенно кошельки? Или ключи от квартир, где девки лежат?

Волк покрутился на месте, проверяя, при нем ли хвост, ворон насмешливо каркнул. Я повернул коня, немножко не по себе, а кавалькада несется с таким напором, вот прямо шас сомнет, разотрет, вобьет в землю по ноздри. К счастью, в последний момент одни пустили коней в стороны, охватывая меня в полукольцо, другие придержали. Король тоже придержал, подъехал ко мне, я поразился резкой перемене в лице этого царствующего монарха, у которого в королевстве ничего не происходит. Сейчас он выглядит, как будто с креста сняли.

– Что-то случилось, Ваше Величество? – поинтересовался я.

Король подъехал ближе, стремяна наши соприкоснулись, в глазах короля я впервые увидел страх.

– Доблестный варвар, – сказал он тихо, голос вздрагивал и колебался. – Я верю, что у тебя настолько серьезная и ответственная миссия, что ты не остался даже на завтрак... потому даже неловко обращаться с просьбой, которая тебе покажется пустяковой, но... для нас она не пустяк, уж поверь.

Я кивнул благодушно:

– Не жмись. Если по дороге, то почему не зайти?.. Что надо? Письмо кому передать?.. Сказать, что ты жив и здоров?..

Он отмахнулся:

– Я не стал бы тебя оскорблять такими пустяками. Ты ведь воин, варвар, сверкаешь очами, жаждешь крови, готов рвать плоть врага зубами, верно? Ликуешь при виде вздувшихся от потоков крови ручьев, твое свирепое сердце мужчины взвеселяется, когда цветущее поле вытоптано, сады вырублены, колодцы засыпаны, а среди горящих домов разбросаны трупы, трупы, трупы... Со вспоротыми животами, с вывалившимися кишками, сизыми внутренностями... Твой слух ласкают хрипы и стоны умирающих... Да как бы я осмелился на такое кощунство, как предложить тебе передать письмо?

– Гм... мэ... – промямлил я. – Для хорошего человека почему бы и не передать?.. Хотя горы трупов... э-э... да, ласкают взор на фоне горы Фудзияма. Или Эверест, не помню. И чтоб легкий бриз на молодые перси... Так что за пустячок, что еще за письмо по дороге?

Король сказал еще тихо, хотя, судя по лицам придворных, уж это точно не секрет:

– Сегодня утром в мои владения вторгся тролль, посланный самим Властелином Тьмы. Он похитил мою любимую дочь, свет очей моих... прекрасную Амелию! Я не говорил тебе о ней, старался держать в секрете, что у меня есть дочь, надеялся, что не говорю – значит оберегаю. Я прошу, умоляю, заклинаю, дам тебе любую награду... но, конечно же, не наглей, это всего лишь женщина, много они не стоят!.. Ты будешь проезжать мимо замка Генриха Синеглазого, это жених моей дочери. Сообщи ему, что дочь похищена! Пусть немедленно отправляется ее спасать. Если выручит, я даже не буду с него требовать...

– Калым? – догадался я. – А я думал, тут у вас сами дают приданое.

Один из советников взглянул остро, тут же спрятал взгляд, король кивнул:

– Да, за многими дают приданое, да и то не берут... Но когда спрос велик, то, сам понимаешь...

– Понимаю, – ответил я. – На конкурсной основе!

– Передашь?

Я раздвинул плечи пошире, взор мой стал стальным.

– За женщин... на какую только дурь не шли! Все передам, не беспокойся.

– И еще скажи, что мою дочь, полагаю, выкрали неспроста.

– Ого, – сказал я. – А в чем суть киднепинга?

Король помялся, один из советников подъехал вплотную, сказал вкрадчиво:

– Есть мнение, что хотя принцесса сама по себе бесценное сокровище, однако же это вызов именно вам!

– Мне? – переспросил я с недоумением.

– Да, – сказал советник с торжеством. – Ведь, узнав о таком дерзком похищении, вы, без сомнения, взъяритесь, будете кусать щит, пускать пену, брызгать слюнями и нехорошо ругаться, как принято у берсерков. А потом вскочите на верного коня и... в погоню!

Они смотрели так, как будто говорили в самом деле обо мне. Я на всякий случай кивнул:

– Ну да... конечно.

Король сказал грустно:

– Боюсь, в этом и есть расчет Властелина. Он уверен, что вы помчитесь сломя голову и попадете в лапы тролля. Он будет где-нибудь в засаде. Как вы слышали, Властелин Тьмы сам никогда не берет в руки меч или топор, он – полководец. Но у него слишком много таких слуг, как тот тролль. Опасаюсь, что даже когда вы с ним справитесь, а вы с ним справитесь, вон какое у вас сложение, троллю не уступите, то вернуться с принцессой могут помешать другие...

Не знаю, хотел же отказаться, в глубине души мы все еще те демократы, но что-то заставило меня распрямить плечи, взглянуть соколом, и я услышал свой дурацкий голос:

– Другие?.. Пусть подходят, за рупь – кучка. Я все скажу жениху вашей дочери! А сам поеду дальше. Мне со всякими троллями да орками драться как-то не с руки.

Король слегка поклонился:

– Спасибо, доблестный варвар!.. Удачи тебе!

– Вот придурки, – сказал я как можно тише, чтобы не услышали, нехорошо обижать даже полных дураков. – Удачи... Как будто я без рук. Или в лотерею играю. Удача нужна дуракам и придуркам, а мы, сильные, берем не удачу, а успех!

Мы выехали утром, я придирчиво проверил, все ли на месте, оказалось, что все, порадовался за себя, какой умный, какой предусмотрительный и как все хорошо получается. А хорошее начало, как известно, половина конца.

Волк убежал далеко вперед, ворон поднялся в небесную высь, дракона изображает, даже крылья раскинул по-драконьи и застыл в восходящем потоке. Некоторое время я прикидывал, сколько придется ехать, где останавливаться, потом мысли сами ушли вперед или в сторону, скорее в сторону, потому что я уже прибыл на место, рублю в капусту гнусные полчища орков и троллей, а также примкнувших к ним гоблинов, прыгаю по скалам, как горный эльф, разбиваю врата крепостей, вламываюсь, убиваю, спасаю...

Ну да, обязательно спасаю. Толпы народа – не в счет. Их спасаю походя, главное же, спасаю необыкновенной красоты дочь короля... нет, лучше сразу императора. Она необыкновенно добрая, красивая, скромная, девственница, в этом мире это обязательное условие, а я не из тех, кто станет спорить о такой деликатной мелочи, я ее, значит, спасаю, хватаю на коня и уношу в сверкающую даль навстречу утренней заре.

Хотя, конечно, можно и на стороне Темного Властелина бороться против обнаглевших сил Добра, совсем оборзели, обвешали весь мир красными флажками: туда нельзя, то не тронь, учиться, учиться и еще раз учиться, потому что работу таким все равно поручать опасно, все завалят.

Когда на стороне Черного Властелина, то дышишь воздухом свободы, на ногах не звенят кандалы правил, ограничений, хороших манер и прочего комильфо. На шее не висит тяжелая гиря с надписью «Надо», напротив – ты волен, ты на воле, у тебя нет обязанностей, так что вполне могу отважно сражаться на стороне справедливости, что, конечно же, на стороне Тьмы, несправедливо оболганной и униженной. И тогда у меня будет больше власти, у меня будет множество женщин-рабынь...

Я призадумался чуть, но разогретые солнцем вялые мысли поплыли дальше, перед глазами замелькали женщины-вамп, лихие амазонки, распутные придворные дамы, жены герцогов, лесные ведьмы, у которых нет комплексов... Затем все это потускнело, возник образ скромной девушки из лесной деревушки, милой, тихой, покорной, в простом стареньком сарафанчике, с длинной косой до пят. Сперва она ужасается мне, ведь я – на стороне Тьмы, но я с нею небрежно ласков, беру на седло, она не смеет противиться, увожу к себе в замок... да-да, у меня замок и куча покорных слуг.

В замке она еще больше страшится меня, но я терпеливо объясняю ей, что не сожру, и постепенно она начинает привыкать к моим грубым рукам, к моей бесцеремонности, перестает меня бояться. При всей ее дикости у нее быстрый, живой ум, она на лету схватывает все, что объясняю. Я учу ее читать и писать, математике... нет, на хрен математику, сам терпеть не могу, учу манерам, обхождению...

Ворон плюхнулся на плечо, когти впились в кожаную перевязь. Мне показалось, что приземлился, вернее, приплечился слишком поспешно, задрал голову. В небе медленно плывет крупный дракон, изящный, похожий на золотую змею, крылья не перепончатые, как у наших драконов, а разноцветные и блестящие, будто из слюды. Такие же у стрекоз, только у этого намного шире и, главное, ярко-красные с оранжевым, а прожилки серебряные, радующие глаз. И ведь дракон радовал глаз, такой вряд ли хищник, скорее всего, питается цветами и яблоками, да всякими экзотичными хейфуа и кечуа.

Волк тоже посмотрел в небо, хмыкнул, сказал мне громко:

– Наш пернатый просто не захотел с ним связываться. А то бы он его сразу задолбал!

– Думаешь? – усомнился я.

– Задолбал бы, – ответил волк с убежденностью в голосе. – Меня же задолбал?

Я спросил дипломатично:

– Что-нибудь высмотрел?

Ворон сказал торжественно:

– Да, мой лорд!.. Ты не поверишь...

Я отмахнулся:

– Здесь же не рыночная экономика? Поверю на слово.

– Мой лорд, только что произошел то ли оползень, то ли землетрясение... словом, обнажился странный слой земли. Очень древний, как мне показалось. А там видна полузасыпанная дверь...

– Врешь, – сказал ворон с убеждением. – Следы заметаешь.

– Какие следы?

– Дракона струсил, вот и брешь теперь всякое!

– Сам ты... Мой лорд, если меня память не подводит, а она никогда не подводит, то здесь располагается гробница самого короля Атулейна! А это был величайший король и маг древности!.. С ним, по легендам, спрятано несметное количество сокровищ. Мы просто обязаны... во имя сохранения культурных ценностей посетить эту гробницу, поклониться праху основателя современных королевств и...

Волк закончил саркастически:

– ...Что-нибудь спереть.

– Грубый ты, серый, – сказал ворон, но сказал, как я заметил, достаточно нейтрально, понятно же, что спереть – не то слово, правильнее – изъять, завладеть законной добычей. Ведь все, что не чье-то, уже ничье, и вещи мертвого – ничьи, даже если они положены ему в гробницу для пользования в другом мире. – Там знаешь сколько может быть алмазов, изумрудов, рубинов, сапфиров, топазов...

Он поперхнулся слюной, перечисляя, а волк спросил ехидно:

– А зачем тебе эти блестящие камешки?

Ворон ответил философски:

– А людям зачем? Но ведь за эти блестящие камешки, как ты сказал вульгарно, люди отдают жизни, совершают клятвопреступления, теряют троны, завоевывают новые земли!

Волк не слушал, уши приподнялись, сдвинулись, улавливая направление пока неслышимого нам с вороном звука.

– Тихо, – шепнул он. – Сюда крадутся.

Я вытащил меч, волк покачал лобастой головой, хотя я знал, что из-за некоторых анатомических особенностей волки вообще не могут поворачивать голову, вынуждены разворачиваться всем туловищем, а этот вообще покачал головой и сказал:

– Их много.

– Ерунда, – сказал я бодро, хотя сердце екнуло.

– У многих луки, – предупредил он. – Я полагаю, лучше...

– Ты прав, – прервал я. – Отползаем.

Попятились, как можно тише пробрались сквозь кусты и понеслись через редкий лес. Ворон летел над нашими головами, тоже не любит стрельбу из луков, и только за двумя высокими деревьями, что дадут защиту от стрел, круто пошел вверх, ввинтился в синее небо, как будто бегом вознесся по винтовой лестнице на высокую башню.

Мы с волком уже за стеной кустов припустили во всю мочь, но скоро пришлось темп снизить, пошла свежая осыпь, камни влажные, расплзающиеся под ногами. Даже волк начал оскальзываться, оглянулся, остановился, поджидая меня.

Ворон внезапно пошел вниз, пронесся над нашими головами с истошным криком:

– Левее!.. Еще левее!.. Там впереди целый отряд!

Мы свернули левее, и тут я увидел далеко впереди идущих плотной цепью людей, человек сорок, все вооружены топорами и копьями. У трети – луки с изготовленными к стрельбе стрелами. Справа и слева над зеленью кустов тоже мелькают серые и красные шапки, а сзади, как уже знаю, по нашему следу идут головорезы, явно посланные Властелином Тьмы.

Волк прорычал зло:

– Неужели придется лезть?

У его ног виднеется щель, а ворон пролетел еще раз, крикнул:

– Да быстрее же! Вас сейчас заметят!

Волк оглянулся на меня, я кивнул, он протиснулся в щель. Я соскочил с Рогача, забросил поводья на седло, отпихнул его, а сам упал на живот, кое-как пролез следом, дальше чуть просторнее, извернулся и заложил выход большими камнями. Стало темно, я слышал только частое дыхание волка, потом оно удалилось, я прислушался, голос волка прозвучал издалека:

– Сюда можно спуститься, тут есть ход...

Я пополз на голос, потом встал на четвереньки, а когда спину перестали царапать камни, вскинул руку. Свод стал выше, но в полный рост еще рано, однако лучше идти на полусогнутых, чем на четвереньках, так продвинулись еще, а дальше я ощутил, что могу выпрямиться. Под ногами вроде бы ровные плиты, издали донесся голос волка:

– Мой лорд, осторожно!

– Что там? – спросил я и ухватился за рукоять меча.

– Ступеньки!

Но я уже оступился, раскинул руки в стороны, надеясь ухватиться за стены, это вместо того, чтобы вытянуть перед собой или сгруппироваться, меня бросило в пустоту, как мне показалось, а на самом деле, как начинающий пловец, плюхнулся пузом, однако там, на финише, оказалась совсем не гладь воды в бассейне, а каменные ступени. Меня пронесло, как белье по стиральной доске, в конце дважды перевернуло через голову, неужели у меня такая задница тяжелая, должны быть плечи, плечи, настоящие рамена, а не просто плечи, а в темноте я как будто забыл, что я – герой, главный герой, а теперь растянулся на каменном полу, разжабился весь...

– Мой лорд, – раздался довольный голос волка над головой, – раз уж вы там, посмотрите, прямо над вами светильник! И огниво на полочке.

– Волки в темноте не видят! – сказал я зло. – Это только совы.

– В темноте даже совы не видят, – возразил волк. – Но запахи, какие здесь запахи...

Я осторожно приподнялся, нашарил полку. Несколько ударов кремня, вспыхнул светильник, тут же послышалось хлопанье крыльев, до этого ворон благоразумно сидел на верхней ступеньке.

– Красотища! – заорал он восторженно. – Я ж говорил, говорил!..

Подземный ход превратился в красиво вырубленный коридор, идеально ровный пол, почти гладкие стены, сводчатый потолок. Я взял приготовленный факел, зажег от светильника. Снова пришлось спускаться по ступенькам, я насчитал две сотни, по дороге зажигал светильники, а когда оглянулся, под углом в сорок пять градусов назад и ввысь уходят светящиеся точки, похожие на фонари на эскалаторе.

Ворон унесся вперед, через пять минут вернулся с воплем:

– Там дверь!..

– Открыта? – спросил волк жадно.

– Заперта, – ответил ворон.

– Отопрем, – твердо пообещал волк. Посмотрел на меня и добавил с сомнением: – Наш лорд отомкнет.

– Поглядим, – ответил я с сомнением, но постарался, чтобы это прозвучало загадочно и многозначительно.

Еще двести ступеней, в самом деле дорогу дальше преграждает массивная металлическая дверь. С первого же взгляда я понял с железной обреченностью, что такую ни сломать, ни открыть. Она не просто выглядит как в подземном банковском хранилище – намного толще, это чувствуется, еще в воздухе, плюс еще и неуловимый аромат магии, она тоже не даст открыть...

Я приблизился, уже подумывая о том, что пора возвращаться, подниматься наверх куда труднее, мы ж опустили на уровень где-то двадцать четвертого этажа, если какой небоскреб перевернуть и воткнуть в землю.

Дверь вздрогнула, массивные половинки поехали в стороны. Я замер, створки в самом деле из литого или кованого металла, такие ничем не сломать, если между ними попасть, останется мокрое место, да и то не между ними, там все выжмет досуха, за спиной восторженно каркнул ворон:

– Мой лорд!

– Знак свыше, – произнес волк почтительно.

– Признание, – согласился ворон.

Я спросил тупо:

– Что за признание?

– Вы – Избранный, – заявил ворон торжественно, я сразу ощутил тошноту, ну сколько можно, а ворон добавил, как будто вбивал гвоздь в темя: – Тот Самый, знаете?

– Он самый, – подтвердил волк и взглянул на меня с уважением. До этого тоже, правда, уважал, но сейчас посмотрел вот с добавочным уважением. Даже с уважительностью в волчьем взоре. – Тот Самый Избранный, знаете?

Я молча шагнул в открывшийся проход. Вспыхнул свет, я оказался в средних размеров зале, на стенах по светильнику, горят ярко, видимо, как-то соединены с механизмом отворяния двери. В помещении три колесницы, конские кости, а также два человеческих скелета, явно возницы, а то и конюхи, но я уже заметил на противоположной стороне еще дверь.

Волк и ворон следовали сзади, а я, страшась услышать что-нибудь еще про Избранность, про Предначертание, Руку Судьбы, Предопределенность, про то, что я отмечен еще до сотворения Мира, как какая-нибудь дрозофила до начала опыта, подошел к двери и не очень-то удивился, что отворилась так же тихо и услужливо, как двери на фотоэлементах при входе в супермаркет.

В этом зале сложены, как понимаю, боевые трофеи, потому зал побольше, но на той стороне еще дверь, а раз уж мы здесь, надо посмотреть, мы такие...

За третьей или следующей дверью зал с мебелью, правда, все сразу рухнуло и рассыпалось в пыль, едва раскрылась дверь, но я успел восхититься красотой, изысканностью и дорогими украшениями, что посыпались на пол в виде золотых пластинок, драгоценных камней, фигурок из слоновой кости, а затем увидел на той стороне следующую дверь.

За ней еще одну, а потом еще и еще. И все открывались с той же загадочной услужливостью. Едва вступали в зал, с треском вспыхивали светильники, оранжевые язычки освещали ярко часть стены вокруг себя, оставляя остальное в полумраке, но света хватало, чтобы двигаться через залы, держась настороже, вздрагивая при виде собственной тени, вдруг перескочившей со стены на стену, дура, всматриваясь в темные углы, в картины на стенах, в каменные статуи древних богов, а вдруг оживут, напрягаясь перед следующей дверью.

Я потерял им счет, очень уж бдю насчет безопасности, дитя века, волк устал и опустил уши, хвост вообще волочитя на каменным плитам, а ворон, что сперва летал над нами кругами, вдруг раскаркался, что не дело гордых птиц лазить по норам, как презренные мыши и всякие кроты, зря он поддался на уговоры, хотя, как я хорошо помню, мы оба отговаривали, но ворон, понятно, полез в нору, чтобы не давать серому хыщнику преимуществ.

Когда после множества парадных, буквально королевских дверей вдруг на той стороне очередного зала высветилась в обрамлении двух светильников небольшая дверь, вызывающе скромная, я напрягся, поудобнее взял рукоять меча в обе ладони, а подошел боком, прислушался.

Тихо, дверь открыться не пожелала, я набрал в грудь воздуха, заставил адреналин, что стекал в ботинки, вернуться в кровь, сказал хрипло:

– Будьте готовы!

– К чему? – уточнил ворон.

– Ко всему, – огрызнулся я. – Откуда я знаю?

– А-а-а, – сказал ворон, – ко всему мы готовы всегда.

– Вот только к чему-то определенному, – прорычал волк, – редко.

Я толкнул дверь ногой, не поддалась, ударил сильнее, тот же результат, некоторое время бил ногами, плечом, наваливались вместе с волком, потом мелькнула мысль, что и в этом мире могут знать про правило пожарной безопасности, по которому все двери должны открываться наружу, потянул за ручку. Дверь послушно открылась.

– Колдовство! – заявил ворон значительно и гордо посмотрел на волка.

Тот помедлил, согласился:

– Да-да, подлое колдовство. Иначе наш могучий лорд давно бы открыл.

– Колдовство, – сказал и я зло, не хватило сил признаться в дури, – но мы его перемогли!

ГЛАВА 8

В помещении вспыхнул свет, по глазам ударило множество крохотных разноцветных солнц: множество сундуков с откинутыми крышками, все доверху заполнены драгоценными камнями. На одном из столов грома старинных книг в кожаных и латунных переплетах, все с металлическими застежками и с висячими замками, но главное, конечно, сундуки, ларцы и широкие вазы с рубинами, сапфирами, топазами, бриллиантами и множеством других драгоценных камней, которым даже не знаю названия.

Волк от изумления сел на зад, а ворон ликующе каркнул:

– Камешки!.. Блестящие!.. Да в округе все от зависти сдохнут, когда я...

Он поперхнулся от избытка чувств, закашлялся, плюхнулся на пол. Волк наступил одной лапой на крыло, другой постучал по спине, вплющивая пернатого соратника в каменный пол. Ворон вырвался, прохрипел:

– Ты чего... на меня напал?

– Это вместо спасибо? – спросил волк.

– Ты меня... пытался убить!

– Не мечтай, – возразил волк. – Я тебя мучить буду долго.

Я прошелся вдоль ряда сундуков, осмотрел стены. Все, приплыли, дальше ходу нет. Это и есть, оказываецца, генеральная цель путешествия по анфиладе залов. Как будто из предыдущих залов все самое дорогое вывезли, а отсюда не успели. Даже дверь отперли, а вывезти не успели. Потому и скелеты по всем залам, герои пришли за содержимым последней комнаты, а тут их что-то и схавало. А потом, наверное, от голода или скуки издохло. Или голову разбило о стены, раз черепа нет.

Ворон суетливо прыгал, каркал, перья топорщились, от них шел сухой треск, как от заряженных батарей. Я на драгоценные, если это драгоценные, камни смотрел тупо. Что драгоценные, не сомневаюсь, кто бы стал прятать так глубоко стекляшки, но для меня, простого и бесхитростного демократа, мать его, что алмазы, что стекляшки под алмазы – одно и то же. Под угрозой расстрела через повешение за борт не отличу драгоценные камни от недрагоценных, но тоже блестящих. Ну абсолютно ни хрена в них не смыслю, как в черном квадрате или пикассе. Никогда в жизни не видел драгоценных камней... нет, конечно, видел у некоторых бабс серьги, в которых якобы драгоценные камни, но все они так говорят, а попробуй отличи, они ж знают, что мы, настоящие мужчины, горды тем, что ни хрена не смыслим в операх, балетах и классической музыке, а это включая и такую хренотень, как любование драгоценными камнями.

Я взглянул на левое запястье, где совсем недавно были часы, буркнул:

– Насмотрелись? Поворачиваем.

Волк ничуть не удивился, тоже в камнях ни в зуб ногой, настоящий мужчина, свой в доску, но ворон возмущенно каркнул:

– Ка-а-ак?.. Не возьмем с собой это все?

Я кивнул:

– Да. Не возьмем с собой это усе. Даже одного сундука не возьмем. Сказать по правде, даже карманы у меня заняты. Не стану же выбрасывать такие нужные кремь и огниво или трут, чтобы положить вместо них бесполезные камешки?

– Бесполезные? – прокаркал ворон, снова закашлялся, но благоразумно взлетел на горку камней самого высокого сундука. Драгоценности разъезжались под жадными лапами, переливались огоньками, как в детском калейдоскопе. – Бесполезные?.. Мой лорд, как вы... можете?

– А вот так, – отрубил я твердо. – Я не знаю, что нам предстоит. Если даже набью карманы алмазами, я не смогу их продать в деревнях, что попадутся по дороге. А таскать их с собой

в надежде, что когда-нибудь у меня будет свое королевство и я заведу у себя казну... нет, я так далеко планы не строю.

Волк поинтересовался:

– Даже не заглядываете, мой лорд?

– Заглядывать заглядываю, но это называется мечтать, грезить даже, но вовсе не строить планы. Так что поворачиваем. Эта пещера Аладдина хороша уже тем, что нам удалось укрыться от тех гадов. Чего вам еще? Но, думаю, пошарив по окрестностям, они уже ушли.

Волк с готовностью пошел к выходу, ворон горестно запрочитал, попробовал брать в клюв, волк сказал злорадно:

– А ты глотай, глотай!.. Пудика два наглотай, а там наверху опорожнишься...

Я предупредил сухо:

– За собственные дурости каждый отвечает сам!.. Это к тому, что каждый выбирается сам по себе. С грузом он или без груза.

Волк засмеялся по-волчьи, первым выбежал из сокровищницы. Мы были уже в третьем от казны зале, когда нас догнал ворон. Он летал над головами, без камней, и костерил за бездушность, за неуважение к красоте, к высокой эстетической ценности, что еще малость и переползет в категорию нравственных ценностей, обзывал нас дикарями, варварами и гуннами. Последнее включило у него цепь ассоциаций, и еще шесть залов он называл нас татаро-монголами, обрами, ацтеками, вандалами, вестготами и будденброками, а также скифами, сколотами и прочими русскими, русичами и даже россиянами. Хоть москалями ни разу...

Когда поднялись из последнего зала и двигались подземным ходом, сперва пригнувшись, потом на четвереньках, а затем и вовсе ползком, я велел обоим заткнуться, подполз к камням, которыми закрывал дыру изнутри, меч в руке, приложил ухо к валуну. Долгое время ничего не было слышно, потом невдалеке прокричала чайка, ей ответила другая. Я тихонько отодвинул камень, чайка в двух шагах, увидела меня, взмахнула крылами, исчезла с резким, пронзительным криком.

Я выдвинулся. С жадностью вдыхая свежий воздух, какой внизу, оказывается, спертый, сказал тихо:

– Выбирайтесь. Кажется, никого...

Ворон молча взлетел в воздух, что значит, презирает нас, волк вышел тихонько, сразу принялся.

– Мой лорд, – шепнул он негромко, – они совсем близко!

– С какой стороны?

– Они...

По ту сторону кустов раздался хриплый крик:

– Ворон! Это его ворон!

Две стрелы взлетели одновременно, ворон вильнул, стрелы пролетели мимо, одна лишь слегка скользнула по перьям. Он раскаркался злобно, сокровищ лишился, а тут еще и стреляют, как по простой вороне, но благоразумно пошел по спирали вверх. Поглядывая одним глазом вниз, когда взлетела еще одна стрела, вовремя взял в сторону, стрела блеснула наконечником и ушла вниз, в кусты.

Затрещали ветви, я наконец сообразил, в какую сторону броситься, волк не отставал, кусты распахивались, как зеленая болотная тина, мы неслись вниз, а потом снова вверх, на долгое время стали видимыми и незащитными. Моя спина окаменела, все время ожидая удара длинной стрелы с острым, как игла, наконечником из закаленной стали, но крики быстро стихли. Мы забрались на вершинку перевала, рухнули оба с высунутыми языками, а сверху захлопали могучие крылья.

Ворон тяжело рухнул на камень поодаль, все еще сердится, буркнул язвительно:

– Они заметили наконец-то дверь... кто-то из вас закрыть не соизволил!.. и все ринулись, как голодные собаки за зайцем.

Волк подумал, предположил:

– Возможно, слышали, что где-то поблизости сокровище?

Ворон сказал горько:

– А вот теперь выйдут, шатаясь от ящиков с драгоценными камешками... такими яркими, блестящими...

– А мы отнимем, – неожиданно сказал волк. Посмотрел на меня за поддержкой: – Что скажете, мой лорд?

– И ты, Брут? – спросил я горько. – Зачем тебе эти яркие да блестящие?

– Мне камешки не нужны, – объяснил волк с достоинством. – Я не ворона. Но как приятно одурачить существ... простите, лорд!.. царей природы, что едва выползут, изнемогая под тяжестью, уже неспособные сражаться. А мы их побьем и...

– ...И все заберем! – каркнул ворон. – Должен заметить, ты хоть и серый, но кое-чему у меня научился.

Я подумал, идея показалась неплохой. Не в том смысле, что нам навстречу вытаскают камешки, а что можно будет избавиться от изнуряющей погони. Если даже не дожидаться выползающих, чтобы лупить по одному, а просто подпереть двери камнями или колом. Ведь и здесь дверь по правилам пожарной безопасности открывается наружу.

– Лети посмотри, – попросил я ворона, – не остался ли кто там на страже. А то подойдем и напоремся...

– Там никого, – заверил ворон, – я видел!

– А еще раз посмотреть в лом?

– Мой лорд, – ответил ворон с видом оскорбленного достоинства, – мне почему-то кажется, что вы усомнились в моих словах?

– Что ты, что ты, – заверил я. – Просто один древний мудрец по имени дядюшка Джо учил: доверяй, но проверяй.

– Но, мой лорд...

Волк поднялся на ноги, желтые глаза недобро блеснули:

– Мой лорд, стоит ли общаться с этим комком в перьях? Я сбегаю туда и обратно быстрее, чем он оторвет жирный зад от этого камня.

Ворон от великого оскорбления взмахнул крыльями и чуть не свалился на землю. Замахал крыльями. Стараясь удержать равновесие, из-за этого настолько напомнил мне петуха, пытающегося взлететь, что я засмеялся. Волк тоже хохотнул очень обидно, бросился в кусты, зеленые ветки сомкнулись за ним без шума.

Мы ждали от силы четверть часа. За это время ворон не проронил ни слова, оскорбленный и негодующий, а я слишком был занят мыслями о загадочном Черном Мастере, он же Властелин Тьмы и все такое, чтобы выводить пернатое из пернатой депрессии. Волк примчался запыхавшись, глаза блестят, как плоски.

– Мой лорд, – выпалил он. – Там никого!

– Идем, – сказал я, решившись.

– До чего довела жадность, – сказал волк и посмотрел на ворона. – Хотя бы одного оставили сторожить двери! Нет, все ломанулись. Значит, слышали про эту сокровищницу, только найти не могли...

Мы начали спускаться обратно по склону, ворон сказал раздраженно:

– При чем здесь жадность? Я эстет, мадам, могли бы уже и запомнить. А если и жадность, то лишь к искусству. К произведениям искусства. Тебе этого не понять.

– Это почему же?

– Потому что ты – серый.

– А ты вовсе черный!

– Черный, – отпарировал ворон с достоинством, – благородный цвет. Это цвет мудрости!..

Волк подумал, сказал с чувством:

– Не люблю черных. Наглые они очень. А мудрость... откуда у них мудрость?

Ворон, не отвечая, полетел вперед, волк тоже умолк, берег дыхание, уже начали карабкаться на холм, мы оба пыхтели, торопились, надо успеть к дверям раньше, чем враги начнут выносить сокровища.

Послышался треск щебня, мощное всхрапывание. Из-за кустов показался Рогач, на ходу дожевывая толстую ветку с ягодами и широкими зелеными листьями.

– Жрешь всякую гадость, – сказал я ему ласково, – ладно, жри-жри! Ты лучше знаешь народную медицину.

Просидели час, два, изнывающий от нетерпения волк вызвался сбегать и посмотреть. Очень неохотно я отпустил, волк исчез, ворон сперва отпускал ехидные замечания, потом умолк, забеспокоившись, наконец предложил идти его искать, а то, мол, мало ли чего с дураком может случиться.

Волк появился, едва мы сунулись в дверь, язык на плече, сказал хрипло:

– Все... до одного... мертвые!

– Кто их убил? – каркнул ворон. Посмотрел подозрительно: – Ну сбреши, сбреши, что это ты всех одной левой!

Волк проигнорировал пернатое, обратился ко мне:

– Мой лорд, полагаю, их убили эти камни. То ли зачарованные, то ли пропитаны ядом, но едва те начали набивать карманы, как все и попадали. Я застал уже трупы.

– Понятно, – произнес я, холодный ветер пронизал тело. – Потому все двери и открывались так охотно перед нами. Кто-то приготовил ловушку, мы послушно вошли в нее, но... приманку так и не тронули.

Волк сказал громко:

– Да, все трое! И никто и не собирался, верно, мой лорд?

– Верно, – подтвердил я, стараясь не смотреть в сторону ворона.

Мы не продвинулись и на сотню шагов, как ворон встрепенулся, рывком взметнул себя в воздух, а волк зарычал, ринулся вперед, но тут же попятился.

Деревья расступились, Рогач вздрогнул и захрипел, словно его давят за горло, а по мне прошла холодная волна. Все бескрайнее поле загородили зеленые рыломордые, ростом с тираннозавров, но в кольчугах из колец размером с якорные цепи, с правой стороны надвигаются бронированные чудовища, несокрушимые, как горы. Слева подходит угрюмая рать воинов-мутантов, загородив дорогу. Я оглянулся, но за спиной трещат и с треском падают деревья, слышится тяжелая поступь каменных великанов.

Под ногами вздрогнула земля, нас слегка потрянуло, потом толчки пошли чаще, сильнее. Некто огромный и страшный рвется к нам из недр земли, чувствую голод и нетерпение древнего зверя, из глубин доносился скрип перемалываемых камней, скрежет зубовой, а когда я вскинул глаза горе, небо потемнело от неисчислимой стаи гарпий, что не уязвимы ни для какого вида оружия, а перья у них попадают в путников с невероятной точностью, все до одного железные с булатными наконечниками.

Я оглядел прижавшегося к земле волка со вздыбленной шерстью, дрожащего Рогача, а ворон плюхнулся мне на плечо, каркнул обреченно:

– Все! Мы в ловушке. Даже мне, замечательному, не уйти, небо перекрыто.

– И не надо, – сказал я убежденно. Зевнул, повел плечами, пусть рукоять меча выглядит покрасивше, выпрямился во весь рост и заставил дрожащего Рогача сделать шаг навстречу чудовищам.

Волк испугался, подпрыгнул, ухватил зубами за сапог:

– Мой лорд! Затопчут, разорвут, забодают, растерзают...

– Может, и так, – согласился я. – Есть такая вероятность, хоть и малая... Но совсем уж невероятно, чтобы такое случилось в начале квеста! Если я правильно понимаю законы этого мира...

Я заставил Рогача сделать еще шаг, перед нами прямо из воздуха появилась девушка необыкновенной красоты. Ее огромные глаза со страхом и непониманием смотрели на меня.

– Доблестный герой с трехручным мечом! – произнесла она серебристым нежным голосом. – О тебе говорят все Древние и даже Очень Древние пророчества, а также Самые Древние, что дошли до нас из эпохи...

Я отмахнулся, прервал:

– Не продолжай. Уже слышал.

– Герой, – сказала она, запнувшись, – на этот раз твое беспримерное мужество и отвага не помогут! Ты погибнешь, погибнешь, погибнешь!

Я бесцеремонно оглядел ее с головы до ног. Необыкновенно красива, хоть и несколько нестандартной красотой: рот чересчур большой, глаза широко расставлены, носик задиристо вздернут, скулы высоки, но в глазах такое очарование, что как-то не замечаются такие несущественные мелочи, как длинная шерсть, чешуйчатый хвост и толстые козлиные ноги с раздвоенными копытами.

Она смотрела преданно и жалобно, я нагнулся с седла, молча обнял ее за плечи, с удовольствием чувствуя волнистую шерсть.

– Но спасет твое колдовство, не так ли?

Она в тревоге оглянулась на чудовищ, но те остановились, терпеливо ждали. Я понимал, что простоят столько, сколько нужно, а бросятся лишь в последний миг, чтобы чуть-чуть не успеть, а потом будут в бессилии озлобленно реветь и кинутся друг на друга.

– Не знаю, – ответила она тихо. – Нам запрещено помогать низшим существам... Но ты так прекрасен, так мужествен, что я готова нарушить все запреты и быть изгнанной на Остров Забвения, где меня в наказание превратят в какую-нибудь простую принцессу... Ты и твои друзья, возьмите меня за руки, закройте глаза... Ах да, руки есть не у всех, ладно, встаньте поближе...

Вспыхнул и быстро погас зеленый свет, наши ноги все на такой же земле, трава шелестит под ногами, цверенчат кузнечики. Знакомый лес отодвинулся почти на линию горизонта, оттуда тоскливый рев, чудовища потеряли нас и сейчас начнут уничтожать друг друга. Козлоногая спасительница превратилась в очаровательную девушку, естественно, обнаженную, с прелестными ногами фотомодели, гладкой кожей, красиво вылепленными ступнями.

– Спасибо, – сказал я до того, как она успела раскрыть рот, а то еще попросит взять ее с собой. – Спасибо, дорогая!.. Не грусти, по моим следам пройдут еще герои, они спасут тебя из этого состояния и снова вернут в подлинный облик, а вдобавок завоюют для тебя королевство достойных размеров, с богатыми и толстыми крестьянами!

Я торопливо пустил Рогача вскачь, волк и ворон метнулись вперед, как же... спешат разведать дорогу, и когда я оглянулся, на том месте, где стояла прекрасная девушка, ради нашего спасения ставшая простой принцессой, лишь колыхалась зеленая травка.

Ворон все ввинчивался, как опрокинутый штопор, в синее небо, волк исчез в густой траве по направлению к дубовой роще, мы стараемся ни одну не пропускать по дороге: это и тень от палящего солнца, и холодная вода ручья, и нередко подстреленный заяц или косуля...

Задумавшись, я не обращал внимания, как из-под копыт прыгали толстые, как лягушки, кузнечики, выскакивали рассерженные суслики, наконец деревья приблизились, приглашающе расступились, гордые, что могут похвастаться ажурной тенью, густым ковром зеленого мха, свежестью воздуха.

Я покачивался в седле, расслабленный, умиротворенный, и жутко вздрогнул, едва не свалился с седла: затрещали кусты, выметнулся волк, шерсть вздыбилась, глаза горят, из горла яростное рычание.

Почти сразу же с неба донесся далекий голос:

– Назад, дурни!.. Они по всей долине!

Рогач сделал еще пару шагов, мы почти проехали рощу наискось, деревья начали расступаться, я ощутил, как и у меня зашевелились по коже мурашки, а шерсть встает дыбом. За неимением такой шерсти, как у волка, обращаем больше внимания на кожу и говорим, что «побежали гусики», что значит, стала пупыристой, как у гуся.

В нашу сторону ползет полчище огромных, в рост крупного пса, скорпионов. Тысячи, если не больше. Вся долина, как запоздало предупредил ворон, заполнена ими.

Захлопали крылья, ворон сел на камень, от усталости почти лег. Глаза затуманились, дышит тяжело, с хрипами. Волк сказал сварливо:

– Ты уж признайся, пернатый, на чьей ты стороне?

Ворон устало каркнул:

– О чем ты речешь, серый?

– Мог бы и раньше сказать, – прорычал волк обозленно. – А то предупредил, ишь!.. Когда мы сами увидели! И вообще все твои предупреждения какие-то странно запоздалые. Мой лорд, не находите?

Я кивнул:

– Послушаем, что ворон скажет.

– В свое оправдание? – спросил ворон горько. – И это мне награда? Мне, великому мыслителю, мудрецу?

Он смотрел на нас обоих с великой обидой. Я сказал утешающе:

– Что делать, если жизнь несовершенна? В ней приходится заниматься и такими черными делами, которыми бы не хотелось. Я имею в виду черную работу, а вовсе не морально-этический оттенок, о чем вы оба сразу подумали, философы!.. Я вот тоже мыслитель, да еще какой!.. Когда лежу на диване, закрыв глаза, то о таком великом мыслю!.. Но приходится вставать и исполнять супружеский долг: выносить мусорное ведро. А это обидно, я ведь даже не женат! Представляете, еще не женат, а долг уже исполняю!.. Так что не ропщи, всем приходится, кроме великих дел, еще чем-то заниматься, чтобы прокормиться. Кайзер Вильгельм, изобретатель «дворника» для автомобилей, вынужден был править Германской империей, принц де Бройль, лауреат Нобелевской премии по ядерной физике, вынужден был принцевать, а изготовитель великолепных чемоданов Менделеев подрабатывал преподаванием химии...

Ворон вздохнул, буркнул:

– Ладно, извинения приняты. Я поднялся как можно выше, чтобы сразу общим взором, что здесь изменилось за последние пятьсот лет моего отсутствия...

– А ты помнишь? – спросил волк саркастически. – В таком возрасте склероз гарантирован!

– Умолкни, серость, – ответил ворон устало. – С той высоты, мой лорд, я видел только изменившиеся русла рек, крохотные замки, крепости да едва заметные домики новых и старых сел. Должен признаться, люди живучи! Что бы с ними ни случилось, все равно приходят на пепелище и отстраиваются. Но только всякий раз заборы выше, стены толще, а мечи длиннее...

Я прервал с беспокойством:

– Об этом потом. Что со скорпионами?

– Я не спешил, – признался ворон, – даже когда заметил. Вы с волком, хоть и не очень мудрые, не полезете сами, а они на камни к вам не полезут. Это долинныи скорпионы. У них лапы так устроены, что за камни цепляться не могут.

– Как кони? – спросил волк.

– Да, примерно. Я думаю, стоит устроить привал на ночь... Солнце уже садится, а я отдохну от трудов праведных по спасению мира.

Волк фыркнул:

– Мы всего лишь идем спасать одну молодую самочку.

Ворон всхрапнул, просыпаясь, каркнул сонно:

– Да? Извини... Я так привык постоянно спасать мир, что это вошло в привычку.

– На этот раз ошибся!

– Не думаю, – каркнул ворон. – Вот увидишь, идем спасать самочку, а попутно спасем мир.

Я поинтересовался:

– А самочку спасем?

– Это неважно, – буркнул ворон и захрапел, разинув клюв и вздрагивая всем телом.

Волк сердито рыкнул, глаза нехорошо блестели. Я примирительно улыбнулся:

– Успокойся. Проверим старую народную мудрость насчет утра, что вечера мудренее. Разведем костер, ты расскажешь, как охотился на горгон, а утром посмотрим, что изменится.

Волк рыкнул хладнокровно:

– А ничего не изменится.

Мы начали собирать хворост, ворон очень натурально храпит и вздрагивает, волк ворчал, что пернатый прикидывается, хотя бы щепочку принес, а вот когда разведем костер и будем жарить мясо, тут же первым пристроится, а еще мыслитель...

Солнце зависло над вершинками далеких гор, облака сперва зазелели, потом покраснели, а когда стали лиловыми, наш костер запылал ярче. Красные ломти мяса медленно становятся коричневыми, ноздри вздрогнули, уловив первую струю ароматного запаха. В животе сразу же беспокойно задвигалось, сообщая, что готовы принимать, уже давно готовы, изготовились, ну давай скорее, не тяни, что вы там наверху все такие медленные, спите на ходу...

Поленья рассыпаются на крупные багровые рубины, те оживают от малейшего движения воздуха, становятся алыми, а затем снова обретают богатый благородный цвет солидной и скрытой мощи.

Я любовался костром, разрешение тысяча шестьсот на тысяча двести восемьдесят, true color, поддержка светотеней... Надо отметить и хорошее управление юнитами, повышенный AI противника. Раньше всегда перли дуром, даже если я был в полном доспехе и с мечом, способным рубить скалы, а они в тряпье и с дубьем, теперь же отдельные единицы способны удирать и приводить с собой целые группы, что значительно осложняет задачу...

Глаза начали слипаться, но я замечал за деревьями гномов, эльфов, даже кобольдов, хотя вроде бы гор близко нет, промелькнул дикий единорог, наверное, самка, пытается привлечь внимание моего Рогача, прошел за деревьями орк, блеснул лунный свет на блестящем крупе кентавра...

Ночью началась гроза, свирепо дул ветер, в небе грохотал гром и страшно блистали ветвистые, как корни дерева, длинные молнии, однако из дождя упало несколько капель, туча ушла, гром постепенно затих, а молнии превратились в слабые зарницы.

ГЛАВА 9

Холод заставил поджать ноги и совсем не героически скрючиться, подобно младенцу в трубе. Я вздрогнул, открыл глаза. Прямо перед глазами округлый камень, на нем блестящие бусинки росы. Вообще-то я считал, что роса выступает только на траве, на цветах, но чтобы потел камень, гм...

Бусинки заискрились, в каждой нестерпимо ярко засияло крохотное солнышко. Я прищурился от неистового блеска, посмотрел из-под руки в другую сторону. Непоседливое лето солнце приподняло краешек над вершинами гор, яркие лучи осветили темную долину, а тьма поспешно разбежалась по углам, скорчилась за высокими камнями, просочилась в пещеры и звериные норы.

Зимой в это время еще глубокая ночь, подумал я с тоской, но, вспомнив, что если я не герой, то мне здесь кранты, куры лапами загребут, а герою, напротив, даже злодеи подыгрывают, я сделал лицо солдатушки – бравого ребятушки, напряг мышцы и выдвинул челюсть и лишь тогда поднялся, держа плечи разведенными, спину прямой, а взгляд орлиным, огляделся.

Ворон все еще дрыхнет, не ворон, а сова, волк в исполненной благородства позе возлежит высоко на камне. Оттуда, как я помню, вся долина как на ладони.

– Доброе утро, – сказал я.

– Утро доброе, – ответил он и добавил почтительно: – Мой лорд.

– Как спалось?

Он кивнул, не стал рассказывать, как спалось и что грезилось, пригласил:

– Мой лорд, вы что-то говорили насчет утра вечера...

– ...мудренее, – подсказал я. – А что?

– Взгляните.

Я вскарабкался наверх, сердце счастливо подпрыгнуло. Огромная зеленая долина пуста, спокойно колышутся сочные травы, кое-где из норок высунулись суслики и, привстав на задних лапках, осматривают свои владения.

– Наверное, их гроза спугнула, – предположил волк. – Ушли вот туда, за лес. Сперва в лес, чтобы укрыться от дождя, а потом и вовсе... Я видел, как уходили последние.

– Но к лесу подходить не будем, – сказал я. – Так, на всякий случай.

Волк смотрел на меня со странным выражением:

– Станный вы, мой лорд.

– В чем?

– Герои должны рваться в бой! А вы как будто радуетесь, что обошлось без драки.

– Это я прикидываюсь, – объяснил я. – Скромный я, значит. Конечно же, я горюю, что не могу ворваться в эту огромную толпу, сея смерть направо и налево своим смертоносным трехручным мечом, это так естественно! Но мужская сдержанность не позволяет выражать эмоции столь явно открыто. Я адекватно выразил свои мысли?

Волк посмотрел на меня с явным уважением:

– Вполне, сэр.

Мы вернулись к костру, я засек затаившуюся в углях искорку и раздул ее в оранжевый огонек. Волк с удовольствием принес сухих веток, вот откуда собаки любят бегать за палками. Я подбросил веточек в пламя. И через пару минут мы уже жарили мясо. Ворон проснулся, приковылял к костру, прихрамывая и волоча крыло.

– Подвернул, – объяснил он.

– Крыло?

– Лапу. А крыло вывихнул. Или подвывихнул, когда высматривал с высоты путь для нашего отряда.

- Это он так хвастается, – объяснил мне волк, – что только он один летает! Расист.
- Ничего не хвастаюсь, – возразил ворон. – А довожу до сведения... Это все еще козлятина?
- Да, а что? Ты, конечно же, есть не будешь?
- Просто я видел зайцев. Толстых, молодых, жирных!..
- Ну и закогтил бы парочку, – сказал волк недружелюбно. – А указывать все умеем.

Конь пошел споро, волк бежит рядом, поглядывает испытующе. Ворон, отославшись за ночь, предпочел ширять в поднебесьях, опускался редко, да и то сообщал всякое непотребство: слева за барханами, мол, купеческий караван, хорошо бы разграбить, а совсем близко справа разбивает на постой лагерь семья богатейшего шейха, можно потрясти на предмет алмазов, а всех жен изнасиловать, а то еще в озере неподалеку купаются сорок небесных дев, сбросив крылья, и если подкрасться и спрятать крылья, то потом... Ворон закатывал глаза и прищелкивал клювом, намекая на то, какие услуги можно потребовать за возвращение крыльев.

Дорога шла по опушке, что значит – с одной стороны дремучий лес, с другой – зеленая равнина, где далеко-далеко мужчины мерно взмахивают косами, а гораздо более близкие к лесу женщины низко нагибаются, собирая и связывая снопы. А вот благородных девиц, чтобы приучить нагибаться, приходится с детства учить собирать всякие цветы.

От широко распростертых ветвей на землю падает густая тень, и хотя воздух уже прогрелся, но зной почти не чувствуется, конь идет бодро, а волк с вороном то и дело исчезают в чаще, я слышу треск, словно сквозь заросли несется танк с крыльями, иногда доносится злое карканье, кричат испуганные птицы.

Волк дважды выскакивал, слизывая с морды капли крови, глаза довольные, пасть до ушей. Ворон тоже не выглядел обиженным и оскорбленным, хотя, будучи птицей благородного происхождения, чувств так открыто не выказывал, держался солидно и каркаяще.

Однажды видел строящийся замок, там была уйма народу, все тащат бревна, тяжелые блоки камней, мотки веревок, стоит рев скота, скрипят подводы, но едва положили последний камень, как все это ненужное людство враз исчезло. Только что передо мной тащились обозы с бревнами, а тысячи людей, впрягшись в толстые веревки, тянули по грязи тяжеленные баальбекские плиты, как вдруг все испарилось, трава снова зеленая и свеженепримятая, как английский газон, а замок высится всеми башенками на фоне неба красочный, картинный, свеженький, блистающий, уже до глубин земли древний, полный загадок и тайн, с глубокими подземельями и тайными ходами, где бродят привидения давно погибших в этом замке королей, ухают по-совьи замогильными голосами и звенят цепями.

Вообще-то, все верно, мелькнула трезвая мысль. Только кажется, что жизнь состоит из ежедневного просыпания, хождения в туалет, ванную, где каждый раз одинаково бреешься, чистишь зубы, потом завтрак наспех, одевание по дороге к лифту, бег трусцой к троллейбусной остановке, давка, духота, невыносимо долгие часы ненавистной работы... На самом же деле жизнь состоит из редких встреч с неожиданными людьми, из двух-трех драк, переезда на другую квартиру, вспыхнувшей любви, от которой трусливо отступился, а теперь на всю жизнь чувство стыда и потери...

Потому надо не замечать эти серые будни, этих простолюдинов, как не замечаем официантов и никогда не говорим о кухне. Если мы чего-то стоим, то должны вычленять главное, к нему и двигаться. Если понадобится – всю жизнь.

Это было красиво, возвышенно и гордо, я даже выпрямился и раздвинул плечи, чувствуя, что я, вообще-то, стал в чем-то лучше. Кто-то сказал, о чем человек думает, таков он и есть. Если это я сам придумал, тоже неплохо, временами я бываю ужас каким умным, самому страшно. Умный варвар – это такой же нонсенс, как честный политик, благородный американец или бескорыстный адвокат.

Ворон спустился ниже, прокаркал:

– Мой лорд, возьмите чуточку левее!

– А что там?

– Не пожалееете!

– Я человек подозрительный, – предупредил я. – Если в говно вступлю, я тебя самого...

– Да нет же, мой лорд, как вы могли подумать?

– Я все могу, – буркнул я. – Ты еще не знаешь, в каком я мире живал.

Волк ринулся вперед, долго не возвращался, а мы с Рогачом проломились через лес и выехали на открытое место, волк сидел на опушке и неотрывно смотрел на гордо вздымающийся утес, даже высоченную отвесную скалу, куда не взобраться и муравью. На самой вершине мускулистый мужчина потрясал обеими руками, вскинув их к небу. Ветер донес воинственный крик, нечто вроде тарзаньего. В одной руке блистало под лучами скупого солнца лезвие громадного меча, в другой – щит. И то и другое, как я сразу оценил, достойно героя. Меч – прямой, длинный, благородный, с дивным орнаментом по железу, а на треугольном щите даже издали различил выпуклый герб древнего рода.

Волк оглянулся на стук копыт, в желтых глазах играет пламя, прошептал с благоговейным почтением:

– Это же сам... Кен Келли!

– Красавец, – сказал я невольно.

– Да, – согласился волк, – мускулатура еще та...

Я как можно сильнее напряг все свое мускулистое мясо, набрал в грудь побольше воздуха, чтобы пошире, согласился снисходительно:

– Да, хороша. Только пластика подкачала.

– Это не так важно, – сказал волк убежденно. Добавил: – Для мужчины.

– Ладно, – ответил я, – надо быть толерантным, – он же герой, ему можно быть и без пластики.

Ворон каркнул сверху:

– Герр-р-рой, Гер-р-рой!

Волк сказал с огромным уважением:

– Да, он сразил дракона, вон лежитдохлый внизу.

– Да нет, – сказал я, – как он взобрался на вершину такой скалы?

Зачем взобрался, спрашивать не стал, герои не обязаны поступать разумно, сам по себе героизм – неразумен, но как?

– Дракон мог уронить, – предположил волк, но сразу заткнулся, ибо дракон явно бескрылый. Громадный, как бронетранспортер, но бескрылый. Вместо крыльев бронированная спина, шипастый гребень от затылка и до кончика хвоста.

И самое главное, когда мы подъехали вплотную, дракон всхрапнул, кожистое веко на правом глазу приподнялось, обнажая крупный выпуклый глаз. Конь подо мной захрапел, дракон спросонья всматривался в нас, вид у него был крайне недовольный.

– Эй-эй! – крикнул я торопливо. – Мы не враги!.. Мы просто едем мимо.

Дракон открыл оба глаза, сперва смотрели, как у хамелеона, в разные стороны, наконец поймали меня в фокус. Я сразу ощутил себя на перекрестье оптического прицела. Волк вздыбил шерсть, белые клыки страшно заблестели на солнце, а ворон взметнулся в воздух и пошел красивыми кругами, в предвкушении драки потирая крылья.

– Р-р-р-р, – ответил дракон и выдохнул клуб черного дыма.

– Это значит, – крикнул я, – мир и дружба?

– Р-р-р-р, – сказал дракон громче, из пасти вырвался синий дым, воздух стал жарче.

– Я за равенство, – крикнул я еще громче, – даже юсовцы и то – люди, так почему ж не быть ими пресмыкающимся?

– Р-р-р-р! – прозвучало грозно, синий дым пошел уже из ноздрей, а между зубов пробились языки красного пламени.

Ворон пролетел над моей головой и каркнул шепотом:

– Мой лорд, драконы – не пресму... не пресмны...

– Тем более, – сказал я с воодушевлением, – если ты не пресмыкающийся, а рептилия.

Ворон пролетел над головой и каркнул в ухо:

– Драконы... не рептилии...

– Или вообще ящерица, – поправился я находчиво.

Дракон взревел, приподнялся на всех четырех. Из раскрытой пасти вырвалась оранжевая струя огня, подожгла чахлую траву, докрасна накалила камни. Ворон прокричал рассерженно:

– Ты его еще желтым земляным червяком назови!

– Ты желтый земляной... – начал я автоматически, но сообразил, что это подстава, а расплачиваться мне, а не подстрекателю, торопливо развернул Рогача. Тот прыгнул, не дожидаясь команды, словно дракон уже дал пинка. В лицо свирепо задул ветер, простучала быстрая дробь, я оглянулся на быстро удаляющуюся скалу. Дракон, сделав пару прыжков за нами, вернулся к скале сторожить добычу.

– Свинья ты, – сказал я ворону, – даже не свинья, а настоящий свинец!..

– Надо критически относиться к услышанному, – огрызнулся ворон. – Что за народ, сразу вот так на веру? А своя голова на что?

– Для прически от Баскова, – сказал я зло. – И для кепи. Мы привыкли доверять мнениям экспертов, понял?.. Своей головой некогда! Кто думает своей, тот всегда опаздывает. Кто не думает, успевает раньше.

Волк на бегу прокричал:

– Куда успевает?

– Везде, – ответил я. – Куда ведут, туда и поспевают!

– А если там пропасть?

– Для демократа важно, чтобы пропадать не одному.

Деревья расступились очень почтительно, даже на цыпочках, я присвистнул пораженно. Простор, окруженный лесом, небольшой зеленый холм, а на нем сверкающий, как высеченный из чистейшего льда, высокий замок, именно высокий, устремленный ажурными башенками, главным зданием и даже стенами ввысь, к небу. Да что там стены: мостики и арки изо всех сил вздыбливали горбатые спинки, чтобы стать повыше, словно на небосводе прикреплен гигантский магнит.

Крыши замка острые, тоже стремящиеся ввысь, длинные воздушные мостики между башнями и между головным зданием и башнями выглядели сотканными из морской пены. Когда замок приблизился, ажурные мостики показались мне составленными из сосуллек, нет, даже из морозного узора на стекле, разум отказывался верить, что способны выдержать тяжесть человеческого тела.

Никаких рвов и подъемных мостов, хотя, правда, ворота заперты, но только я о ней подумал, как решетка ворот неслышно поползла вверх, выехали трое на поджарых стройных конях. Мы наблюдали молча, как они резво спустились с холма, зеленая коротко подстриженная травка прекрасно терпит копыта, никаких безобразных ям.

Все трое остановились у нас на дороге. Впереди высокий рослый эльф с длинными белыми волосами до плеч, я его сразу узнал по длинным заостренным кверху ушам, лицо снежно-белое, высокомерное, приподнятые скулы и выступающий подбородок Гогенцоллернов, рядом еще более крупный эльф с круглым лицом, черный, как сажа, нос картошкой, широкие монгольские скулы и толстые выпяченные губы, что значит, эльф-негр или эльф афроамериканского происхождения. Третий, как я уже и сам догадался, эльф с бронзовой кожей, то

есть мексиканского происхождения, теперь их тоже для политкорректности надо в паре, то есть впаривать. Хошь не хошь, а надо, Федя.

– Привет, – сказал я как можно приветливее. – Мир, дружба, лучше трахаться, чем воевать!.. Демократия и общечеловечность на марше. Кто из вас гомосек?

Эльф с белыми волосами взглянул на меня внимательно и оценивающе:

– Почему это вас интересует?

– Расслабьтесь, ребята, – посоветовал я. – Я из мира, где полная демократия, что значит, трахаются, не обращая на пол, возраст или биологический вид. Даже рыб имеют!

Эльф с бронзовой кожей посмотрел брезгливо, явно из деревни приехал на заработки, получил вид на жительство и сразу же в конную полицию. Но, судя по морде, демократией еще не испорченный, и хотя против гомосексов не вякнет, но сам приберет всякого, кто начнет щупать его за задницу.

– Ты кто? – спросил он.

Я ответил нагло:

– Ты из России, что ли? Сперва надо называться самому.

Он скрипнул зубами, но я прав, этому его учили, а он по-деревенскости все забывает, сказал злым голосом:

– Фернандо Родригес Диего Гарсия Мунделла Хуан Педро Гонсалес Хуаньянтес Межелайтис де Борхес Квадро Жуан Гаметос Хименес... если вас устраивает сокращенный вариант моего имени.

Я сказал поспешно:

– Устраивает, еще как устраивает! Спасибо, что не назвались расширенным. Я – император Гакорд, властелин Вселенной, искатель приключений. Здесь я, разумеется, инкогнито. Вас послали пригласить нас... Мы с боевыми друзьями, волком и вороном, на обед?

Светловолосый переглянулся с эльфом негритянского происхождения, ответил после паузы за эльфа мексиканского или пуэрто-риканского происхождения:

– Да, у нас за последнее время мало было новостей.

Я кивнул:

– А нам, наоборот, некому было похвастаться. Только пошли кого-нить вперед баньку истопить, стол накрыть. Чтоб уже было, когда прибудем.

Они поморщились, но Фернандо Гомес и все такое пришпорил коня и пустил его галопом на холм. Мы же поехали шагом, светловолосый что-то спрашивал, я засмотрелся на сказочный замок, переспросил:

– Че?

– Меня зовут Джон Норманн, – повторил светловолосый, – а это мой напарник Мухаммед Хоттаб. Мы охраняем ворота. Так что теперь придется оставить там меч. Не беспокойся, ничто не пропадет.

– Да кто вас знает, – проворчал я. – У вас же рыночная экономика? А Маркс говорит, что нет такого преступления, на которое не пойдет рыночник, если светит прибыль... Эй, волк, ты слышал? А тебе придется оставить зубы.

Ворон испуганно вскрикнул:

– А мне?

– Клюв, – заявил я безапелляционно.

Норманн кисло поморщился:

– Зубы и клюв пусть оставят.

– Вам повезло, ребята, – сказал я своим соратникам. – А то с этим таможенным контролем на взлете... Тем более с нынешней напряженкой в межэтнической сфере... У вас с этим как?

– Прекрасно! – сказал Норманн громко. – Никаких проблем!

– Замечательно, – ответил Мухаммед еще громче. – А что это?

– Только гимна не хватает, – пробормотал я, расчувствовавшись.

Когда мы приблизились, над воротами эльф в блестящих доспехах вскинул трубу с прикрепленным красным полотнищем и звонко протрубил что-то знакомое и торжественное, но не гимн. Да и звезды или серпа с молотом я на знамени, если это такое знамя, не рассмотрел.

На ворота высыпали эльфы, через каждые три светлых встал один черный и половинка бронзового, я понял правильно, нельзя допускать, чтобы в одном месте стены оказались белые эльфы, а на другом – черные, наверняка есть службы, что следят за этими делами очень тщательно. Нам махали руками, кто-то бросил цветы, но я ловить не стал, вдруг кто насрал в букет, а я сдуру поймаю, кто знает этих эльфов. Вроде бы шутники, если верить легендам. Или это гномы шутники, не помню. А может, и вовсе гоблины, я с истории убежал играть в футбол.

ГЛАВА 10

Коня я отдал слугам, ворон крепко сидит на плече. Даже лег пузом, чтобы не колыхаться взад-вперед, волк несколько робеет, хоть и старается показать, что не так, жметесь к ногам.

– Следуйте за мной, – сказал один из эльфов, видимо, попроще.

– Веди, Сусанин, – ответил я и на всякий случай гоготнул.

Странно, за стеной никакого гогота. Наверное, для юмора надо дать эльфу пинка в зад, чтобы он пробежал шагов десять, а там еще и поскользнулся на банановой кожуре... Ладно, повременим пока.

Мы шли по длинному сводчатому коридору, из окон бьет яркий свет, в стенах искрятся и переливаются всеми цветами вделанные в них драгоценные камни. Коридор пересекали другие коридоры, я успевал увидеть такие же, уходящие вдаль, высокие стрельчатые своды, широкие окна, в стенах массивные светильники.

В одном из пересекающихся коридоров, совсем близко, я заметил странную пару: бронзовотелый, очень мускулистый молодой варвар с длинным прямым рыцарским мечом крался вдоль стены, перебежал от колоны к колонне, затаивался. За ним кралась очень юная и нежная девушка с длинными распущенными волосами. Одеждой ей служила легкомысленная ленточка на месте трусиков да татуировка в виде цветка под левой не по возрасту развитой мощной грудью. При каждой остановке, а варвар замирал часто, она падала на колени и, красиво изогнувшись, простирала к нему длинные тонкие прекрасные руки. Стройные ноги вытягивались, она красиво заваливалась на бок, но варвар снова трогался в путь, и она бежала за ним красиво и грациозно, крупная грудь подпрыгивала до подбородка.

Мой провожатый не заметил, я с облегчением перевел дух, пусть удача сопутствует герою. Все-таки похитить женщину из дворца эльфов, полного магии, – это что-то.

Эльф привел в просторные апартаменты, указал рукой:

– Ваша комната для отдыха.

– Спасибо, – сдержанно поблагодарил я.

Вспомнил, что я ж варвар, нахмурился, выпятил нижнюю челюсть, хотел было даже плюнуть на пол, но два «высших» во мне слишком уж воспротивились, и как я ни старался, но что-то во мне ну никак не плевалось.

– Надеюсь, – сказал эльф, он бросил короткий взгляд на волка у моих ног и ворона на моем плече, – вам здесь понравится.

– И я надеюсь, – ответил я церемонно, как на дипломатическом приеме. Нет, в самом деле, надо бы высморкаться на пол, что-то я совсем уж коллаборационист, нет своего «я», слишком легко сдаюсь развращающим человека обычаям.

Эльф ушел, а я, не сходя с места, повел взглядом по стенам, где пышные гобелены, витражные окна, под ногами толстый ковер, сама комната размером с теннисный корт, а в стене три двери, наверное, спальня, ванная и бильярдная.

Волк пробежался вдоль стен, приняховался, а ворон изволил слететь с плеча и немного полетал с ленивой грацией пресыщенного такими апартаментами пернатого.

– Могли бы и получше, – заявил он нагло. – Им же это ничего не стоит! Колдун на колдуне, все нечистой магией.

Я увидел зеркало в стене, крупное, широкое, в мой рост, немедленно напряг мускулы. В гладкой поверхности отражается статный красавец-культурист, фигура чудовищно переразвита, одни мышцы, но лицо красивое, благородное по-своему, хотя и несколько свирепое. Глаза – голубые, нет, даже синие, нежные и чистые, однако способны в минуты гнева становиться холодными, как два куска льда. Или острыми, как обнаженная сталь клинка.

Грудь широка, руки перевиты мускулами, сразу видно, что владею мечом, топором, копьем, луком, ножом как простым, так и метательным, знаю все приемы восточных и западных единоборств, знаком с элементами борьбы жрецов Атлантиды. Правда, презираю магию, хотя кое-чему обучили, но предпочитаю не пользоваться, для воина постыдно прибегать к колдовству, а я не простой воин, а герой, что обязывает, увы. Однако слабость в магии компенсируется моим блестящим от природы умом, хотя я учился понемногу чему-нибудь и как-нибудь, однако этих знаний хватает, чтобы побеждать во всех спорах мудрецов, решать сложнейшие загадки.

Не знаю, может быть, баньку в самом деле истопили, но какой мужчина любит мыться. Я наскоро отряхнул пыль странствий, велел волку и ворону развлекаться тут по-своему, а если жрать вот прямо щас не принесут, сделать набег на кухню. С их носами быстро отыщут, где тут что лежит, как хорошо, так и плохо.

– А вы, мой лорд? – спросил волк.

– В банкетный зал, – сообщил я. – Надеюсь, в честь моего прибытия.

– Да-да, – согласился волк поспешно. – Как же иначе!

– Вы абсолютно правы, мой лорд, – поддержал и ворон с преувеличенной готовностью. –

Кто, кроме вас...

– То-то, – сказал я сварливо. – Только не спалите здесь все.

На этот раз провожатого не оказалось, я побрел сам, тут же заблудился, ощутил раздражение. Они там жрут и пьют, а я ходи голодный?

Крепко сложенный мускулистый воин, обнаженный до пояса, интересный блондин, с узким мечом в мускулистой длани, крался вдоль стены, осторожно выглядывая в окна. За ним торопливо семенила мелкими шажками черноволосая юная красотка с очень развитой фигурой, ну просто созданной для утех и наслаждений. Длинные волосы черным водопадом струились по голой спине до самых ягодичек, конечно же, оттопыренных по самое некуда.

Варвар бросил на меня настороженный взгляд, но не проявил ни признаков враждебности, ни дружелюбия, даже не воззвал о помощи. Я понял, что он в сингловом режиме, у него свой трудный квест, у меня свой, мы просто на одной локации, но во всем остальном у нас все разное, у него даже как будто графика послабее, хоть и триколорная, но разрешение не больше чем тысяча двести восемьдесят на тысяча двадцать четыре, а у меня тысяча шестьсот, антиальястинг, поддержка множества теней и прочие прибабасы.

На выходе из коридора он напрягся, все мускулы вздулись, я тоже чиста инстинктивно вздул свое мышцастое мясо и прикинул ревниво, не уступаю ли, проводил их взглядом. Девушка послушно скользила следом, нежная и воздушная, но торчащая крупная грудь покачивается очень весомо, ягодички при каждом шаге провоцирующе сдвигаются вправо-влево, а также поочередно приподнимаются, как поршни в мощном паровом двигателе.

– Давай, выводи, – пробормотал я злорадно, – слишком уж тут чистенькие да сытенные буржуи. Всех баб-с украдем, а здесь все изосрем...

В банкетном зале уже собрался народ, все одеты изысканно, в шелк, панбархат, крепдешин, все украшено золотом и платиной, на женщинах тяжелые ожерелья, уши оттягивают массивные серьги с бриллиантами в натуральную величину не меньше двадцати карат, а руки не могут поднять из-за толстых, как гайки, золотых колец.

Все рассаживались с элегантными шутками, веселые, но как-то высокомерно веселые. Никто никому не давал пинка под зад, что как-то странно, словно сюда еще не пришла демократия, не кидались тортами, и почему-то не слышно подсказывающего гогота за стеной. Еще не начали веселиться, понял я, усмотрел свободный стул возле самого большого блюда, поспешно устремился туда, по дороге наступая дамам на шлейфы, самцам на ступни задних ног.

За столом эльфы тоже разместились по расовому признаку, то есть через каждые трое белых сидит один черный, а бронзоволицы так и вовсе через каждые полдюжины. То же самое с самочками, и даже во главе стола, где сидит очень высокий и надменнолицый мужик, свита смешана в строго политкорректной пропорции, ибо здесь власть, очень важно для соблюдения все более шаткого равновесия.

Я жрал в три горла, всматривался в лица, очень красивые, надменные, благородные, мудрые, величественные, тонкие, одухотворенные, прекрасные, утонченные, изысканные, музыкальные, обладающие, ценители прекрасного, знатоки, эстеты, эстеты со вкусом, эстеты с изысканным вкусом и эстеты с универсальным вкусом, что это, я несколько не понял, на всякий случай решил от таких держаться подальше.

Рядом со мной вяло ковыряется в тарелке эстет с лицом, исполненным холодной гордыни, уши и скулы высокие, нос тонкий, губы-щелочки, глаза вытянутые к вискам, как у гейши, кожа просто вампирья, настолько белая и чистая, а белоснежные волосы, как у поп-звезды, – до лопаток. Интересно, когда сбросит пурпурную мантию, что за татуировка на эльфячьей коже: просто непристойности или извращения, столь обязательные для загнивающей богемы?

После роскошного обеда я вышел, довольно покачиваясь и взрыгивая, в коридор, повертел головой, что-то не вижу привычных комнат с буквой М, что означает вовсе не метрополитен, или хотя бы с простонародными двумя нулями, наконец спросил пробегающую мимо эльфину-служаночку. Та в ужасе застыдилась, убежала. Наконец я вышел во двор и стал спрашивать эльфов-конюхов и прочих, которые попроще. Один, самый древний, наконец понял, о чем речь, объяснил, что я говорю о неблагородном, а здесь живут благородные. Неблагородного в этом замке не существует.

– А вы? – спросил я с глубоким сочувствием.

Старик ответил с печалью:

– Увы... мы тоже соприкоснулись с прекрасным, и потому вот...

– Ничего себе усваиваемость, – пробормотал я. – С другой стороны, это и неплохо с таким метаболизмом, но все– таки это такое удовольствие, когда срьшь вволю, когда... эх!

Я не стал продолжать, потому что и лицо старика скривилось в мучительной гримасе зависти, должно быть, пытался вспомнить, как это, да и мой кишечник предупредил, что еще одна такая провокация, и он мне достойно ответит, штаны мои сзади потяжелеют на полпудика, на зависть всем простолюдинам замка, воинам, а то, возможно, и самим благородным эльфам.

– Ладно, – сказал я торопливо, – я сам не местный, так что мне можно... на меня здешние порядки не распространяются. До леса не добегу, тут хотя бы сад есть?

– Есть прекрасный розарий...

– Давай покажуй розарий! Только быстро. Розарию тоже нужны свежие натуральные, а не всякие там вредные нитраты да пестициды. Еще и спасибо мне скажете... Большое!

Я умчался в сторону розария, мои ноздри уже уловили аромат множества роз, в самом деле нежных, прекрасных, утонченных, аристократичных, тургеневских, а когда выскочил из-за угла, открылся сад из множества клумб, все кусты отделены друг от друга затейливыми дорожками, дабы любоваться со всех сторон, но кусты в половину моего роста, это достаточно, достаточно...

В саду, как убедился, растут дивные цветы и ходят животные невиданной красоты. Пока я трудился под прекрасным кустом роз, я видел не только огромных удивительных бабочек, стрекоз и дивных полупрозрачных кузнечиков, похожих на изделия из драгоценных камней, но и муравьев, что быстро хватали этих прекрасных и дивных, умело обрывали лапы и крылья, с торжеством волочили в темные норы.

– Молодцы, ребята, – прошептал я. – Так им и надо... На фиг прекрасные дворцы из хрустала Веры Павловны... Мы с Федором Михалычем булыжником в такой дворец...

Муравьи, как я догадывался, живут далеко в лесу и эльфам не подчиняются, просто подземными ходами пробираются в этот сад непуганых дураков и охотятся, как в заповеднике ничего не понимающие в Красных книгах неграмотные варвары.

Вдали между кустами прогуливаются прекрасные лани и олени с золотыми рогами, носятся крохотные дракончики, самые крупные – с воробья, даже по земле бегают и скачет все только самое дивное и прекрасное, ни одной жабы, хотя бы маленькой, не самой противной. Меня начало подташнивать, во рту возник привкус залежалого повидла.

Застегнув штаны, я побрел через сад, зорко всматриваясь в заросшие плющом стены из белого мрамора. Дворец слишком хорош, вызывающе хорош, кричаще и просто нагло хорош, так и хочется плюнуть и нагадить, это же все равно что элитный дом в окружении хрущевок, вот, мол, смотрите и завидуйте, какие мы крутые и сытые, какие морды у нас широкие, а жопы круглые и упитанные.

Кусты зашелестели, я насторожился, привычно вскинул руку, но пальцы пощупали воздух вместо рифленой рукояти меча. Между кустами, низко пригибаясь, крался свирепого вида полуголый варвар с изогнутым мечом в руке. Лицо и тело в шрамах, голые ноги в сандалиях, ременные завязки охватывают до колен, там торчат рукояти двух ножей. За варваром спешит миниатюрная рыжеволосая красотка с пышной прической, вся из себя, из одежды только поясок на бедрах, крупные сиськи, как же без них, а все красотки, у которых размер ниже третьего, остались невыведенные, так эльфам и надо...

Я злорадно ухмыльнулся, прошел мимо, буквально в двух шагах, но варвар и красотка меня в упор не заметили. Во дворе рабочие эльфы набирают воду из колодца, кормят свиней, я затаился среди кустов роз, не хочу выказывать себя раньше времени, а то вдруг поведут учиться или мыть уши, дождался, когда все смотрели в другую сторону, проскользнул за их спинами к малозаметной двери в одну из башен. Подалась довольно легко, не скрипнула... ну да, чтобы в замке эльфов что-нибудь вульгарно скрипнуло!.. я очутился у подножья крутой винтовой лестницы.

Стараясь громко не топтать, взбежал наверх, открылась просторная комната, толстые старинные книги в шкафах, что вдоль стен и до потолка, книги на столах, на креслах, а за столом, тоже заваленным книгами, старый-старый эльф, не просто с белыми, как у всех, волосами, а седой весь: брови, ресницы, даже волосы на груди, насколько видно через расстегнутый ворот рубашки.

– Слава труду! – сказал я. – И науке!.. Да здравствуют труженики магии, колдовства и волшбы!.. Ура, товарищи!

Маг оторвал взгляд от книги, я ощутил пронизывающий взор, но лишь бесстыдно улыбнулся, я весь на виду, ничего не скрываю, демократы говорят, что в человеке нет ничего стыдного, все мы от Фрейда с обезьяной, одни инстинкты и подавленные желания.

– Гм, – произнес он холодновато, – хороший девиз... Вы, конечно же, рискнули, молодой человек, очень даже... Я испепеляю всех, даже эльфов высшей гильдии, кто осмеливается вот так... но вы настолько бесстыдны, что просто даже очаровательно...

Я нагло улыбнулся:

– Я же понимаю, что умные люди всегда найдут общий язык!..

Он продолжал сверлить меня взглядом:

– Умные?

– Ну да, – заверил я. Спросил встревоженно: – Вы не считаете себя умным?.. Ничего, это пройдет, у вас столько книг!.. Читайте, и вы будете готовы к умной беседе со мной.

Он еще несколько мгновений рассматривал меня, потом кивком указал на самый дальний подоконник:

– Там книга, принеси.

Почему не уважить старого человека, я отправился с готовностью, приходилось лавировать между сундуками, на крышках которых стопки книг, и просторными кожаными креслами, где книгами завалены сиденья так, что поднимаются выше спинок. Книга на подоконнике – как все книги, но, едва я приблизился, прямо из пола выросли человеческие скелеты и протянули ко мне руки.

Не дрогнув, я встретил их ударами могучих кулаков. Кости с сухим треском ломались, рассыпались в труху, я пробился сквозь их редующий строй и схватил книгу. Переплет слегка сверкает, кончики пальцев уловили приятное тепло. И хотя из окна светит солнце, нагрелась, но это другое тепло, не солнечное, собственное, как у большого толстого кота.

Я раскрыл книгу, прочел первое слово. В помещении раздался громкий серебристый звон, словно зазвенели сто тысяч мелких валдайских колокольчиков. Все тело передернуло в сладкой судороге. В ясном небе блеснули молнии, светло и радостно прогрехотал гром. Я чувствовал сильнейшее желание вскинуть руки к небу и с искаженным лицом подрагивать в экстазе, чувствуя, как ветер энергии шевелит волосы, а неведомые силы и странная мощь наполняют тело от пяток до кончиков ушей.

Все же удержался, представил себе, каким придурком увидит меня маг, на общественное мнение реагируют даже демократы, сколько бы ни уверяли, что это не так.

– Прекрасно, – произнес маг несколько озадаченно. – Признаться, не ожидал. В самом деле грамоте обучен?

– Было дело, – ответил я нехотя. – Но я не развивал ни intelligence, ни wisdom, предпочитаю прокачивать strong и vitality. Мне этого хватает.

Маг покачал головой:

– И что же, никогда в квестах не попадались магические книги?

– А я продавал, – объяснил я. – В любом городе маги за них хорошо платят. За одну книгу можно купить хороший доспех, меч, а то и колчан стрел в придачу.

Он смотрел на меня с брезгливой жалостью:

– Меч, доспех, стрелы... и это за книгу, в которой, быть может, власть над миром? Эх, варвары, удивительный народ... Как только еще и существуете... Мечом махать может каждый дурак...

– Да, – согласился я и добавил смиренно: – Но не каждый умный!

Он слегка опешил, потом покачал головой:

– Знание – сила, слышал такое?

– А сила есть – ума не надо, – согласился я. – Преимущество силы в том, что ей ум не помеха. Или, говоря доступно: ум хорошо, а дураком лучше. Был у меня один знакомый, что выбрал дорогу мудреца, и что хорошего? Страстно впитывал все новое, обдумывал и... переводил в дерьмо. Нет уж, меня вот постоянно преследуют умные мысли, но я всегда быстрее!

Он слушал с растущим удивлением, глаза зажглись, потом погасли, спросил утомленно с пониманием взрослого, слушающего лепет ребенка:

– Вы, варвары, не любите мудрецов?

Я пожал плечами:

– Не то чтобы так уж не любим, но люди, которые думают, что знают все на свете, раздражают нас, людей, которые действительно все на свете знают.

Он смотрел оторопело, наконец совладал с собой, кивнул:

– А я уж, грешным делом, подумал...

– Надо думать головой, – посоветовал я доброжелательно, – а не грешным делом! Вы сюда пришли не после женитьбы?

Он спросил настороженно:

– А женитьба при чем?

– Люди, которые женятся по дурости, как правило, начинают очень быстро мудреть.

Он помрачнел, сухо буркнул:

– Это тебя не касается.

– Конечно, конечно, – поспешно согласился я, ведь он хозяин, возьмет и выгонит вза-шей. – Зато теперь покой, досуг... А человек на досуге думает себе о том и о сем, но все-таки чаще о том... С другой стороны, умный человек и среди дураков кажется своим. Это я о себе, конечно, по скромности, чтобы не указывать прямо пальцем, а все так это иносказательно, с аллегорией. У меня получается?.. Это у вас все книги – магические?

Он хотел было ответить что-то другое, я уже видел, как бледное старческое лицо побагровело, как у пьяного боцмана, но я коснулся интересной темы, он ответил все еще сердито:

– А что, бывают другие? Все книги на свете – магические! Знания – это магия! Вот ты сколько сюда добирался?.. А если овладеть заклятиями из этой книги, смотри, даже не самая толстая!.. то смог бы переноситься через пространство в любое место!..

– Ух ты, – сказал я пораженно. – Как птица, да?

Он отмахнулся с великим пренебрежением.

– Куда там тихолетной птице! Не желаешь попробовать?

Я хотел было тут же согласиться, но посмотрел в его оживившееся лицо, почему-то вспомнил дрозofil и собачек лейтенанта Павлова, а еще кино про остров доктора Моро, который не маршал Наполеона, а совсем наоборот, и спросил с осторожностью:

– А что, генетический материал закончился?

Он сказал досадливо:

– Да просто наша этика не позволяет нам самим, подобно диким варварам, покидать свои лаборатории! Раньше меня это не касалось, но вот наткнулся на одно любопытное заклятие... Заклятие перемещения! Но как только воспользуюсь, маги узнают. Я буду окружен всеобщим презрением, как опустившийся до... применения, есть такое отвратительное слово.

– Да, – согласился я, – очень отвратительное. Даже отвратное. Прямо жуткое. Но как это зрите в своей перспективе? Даже в проекции?

Он указал на середину комнаты, единственное место, чуточку свободное от столов и кресел.

– Стань там и не шевелись. Я попробую перенести тебя в одно место...

Я вскинул руку, ладонь у меня шире лопаты, обратил ее к магу, слова ударились о нее и отскочили, как от стенки горох.

– погоди, – сказал я внушительно, – я задурно не работаю. Не говоря уже о том, что, когда посылают в одно место, у нас, варваров, сразу всякие странные ассоциации. Конь и то за овес пашет, а пес за сладкую кость гавкает. А я человек, что значит, мне нужен и овес, и кость с мясом, и все остальное. Если ты в самом деле маг, а не коперфильд какой, то должен знать, как выбраться из этого мира.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.